

А. С. ПУШКИНЪ

ГАВРИИЛАДА

ПОЭМА

*Редакція.
примѣчанія и комментарий
Б. ПОМАШЕВСКАГО*

ТРУДЫ ПУШКИНСКАГО ДОМА.



**ПЕТЕРБУРГЪ
МС МХХІІ**

**Обложка и конторки работы В. Кона-
шевича, титульный лист и заглавные
надписи работы А. Лео**

Р. В. Ц. — 1000 экз.



Настоящее переиздание «Гавриілады» вызвано тѣмъ, что существующія изданія этой поэмы однообразно исходятъ изъ одной, неисправной традиціи списковъ. Большинство изданій этихъ является библиографической рѣдкостью, и за однимъ исключеніемъ—изданіемъ «Альдіоны»—ихъ редакторы совершенно не задавались вопросомъ научно-критическаго апализа текста. Наличие старой традиціи въ спискахъ «Гавриілады», сильно отличающейся отъ списковъ общеизвѣстныхъ, побуждаетъ опубликовать ее въ интересахъ научно-критическаго изученія этого литературнаго памятника. До послѣдняго времени изученіе его было затруднено цензурными условіями. Еще полвѣка тому назадъ о «Гавриіладѣ» принято было умалчивать. Даже въ настоящее время не изжиты тѣ психологическія препятствія, которыя мѣшаютъ опубликованію полнаго ея текста.

Цѣль настоящаго изданія—чисто литературная. По отношенію къ «Гавриіладѣ» можно повторить слова М.-J. Chénier, сказанныя имъ по поводу аналогичныхъ поэвъ Рагну: «Нашъ долгъ—почтительно отклонить всѣ щекотливые вопросы, выходящіе за предѣлы литературы и ограничиться только тѣмъ, что подлежитъ нашей компетенціи»,—а именно: вопросомъ о литературномъ значеніи памятника.

Въ виду того, что положенный въ основу изданія списокъ является сравнительно позднимъ, и такъ какъ въ настоящее время было бы излишней роскошью мелочное воспроизведеніе различныхъ копій поэмы,—печатаемый здѣсь текстъ есть результатъ критическаго сличенія различныхъ, доступныхъ редактору чтеній поэмы. Дабы не навязывать читателю своихъ предпочтеній, редакторъ приводитъ въ примѣчаніяхъ разночтенія этихъ списковъ. Эти разночтенія могутъ послужить матеріаломъ для изученія вопроса о распространеніи «Гавриілады», по мѣрѣ того, какъ научному изученію будутъ подвергаться новые, еще не изученные списки.

Не считя себя связаннымъ списками редакторъ и въ выборѣ орфографіи изданія: съ тѣхъ поръ, какъ Гротовское правописаніе



перестало быть обязательнымъ, воспроизведеіе всѣхъ особенностей орографіи 50-ыхъ годовъ, къ которымъ относятся списки, совершенно не дѣлсообразно. Съ другой стороны — недопустимо воспроизведеіе этого памятника въ орографіи нынѣ принятой. Поэтому редакторъ воспроизводитъ правописаніе списковъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ основанія полагать, что оно не восходитъ къ Пушкину. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ Пушкинъ обладалъ навыкомъ, расходящимся съ правописаніемъ списка, сдѣлана попытка реставраціи Пушкинской орографіи (напр., правописаніе «щастливый»). Не придавая большого значенія вопросу объ орографіи при перепечаткѣ текста, извѣстнаго лишь въ позднѣйшихъ копіяхъ, редакторъ въ примѣчаніяхъ не оговаривалъ этихъ отступленій отъ списковъ.

Текстъ поэмы сопровождеіъ историко-литературнымъ комментариемъ, гдѣ, не предлагая ничего новаго, редакторъ сдѣлалъ попытку свести воедино разрозненные свидѣтельства о «Гавріилѣдѣ», и тѣмъ пополнить существующія уже работы по этому вопросу (въ изд. «Альдіоны», Академическомъ, Морозова и петербургскомъ отдѣльномъ изданіи текста поэмы). Отсутствие хорошихъ библиографическихъ указателей, а также научно-выработанныхъ плановъ историко-литературнаго комментарія памятниковъ художественнаго слова побуждало редактора обращаться за помощью къ компетентнымъ лицамъ, совѣты которыхъ въ значительной степени восполняли недостатокъ опыта и спеціальныхъ знаній редактора. Не приводя именъ лицъ, безъ помощи которыхъ настоящая работа никогда не была бы доведена до конца, редакторъ приноситъ глубокую благодарность руководителямъ «Пушкинскаго Дома», а также участникамъ «Московскаго Лингвистическаго Кружка» и Петроградскаго «Общества изученія Поэтическаго Языка», своими указаніями направлявшимъ работу редактора. Не можетъ онъ также обойти молчаніемъ работу предшественниковъ его по изученію «Гавріилѣды» (особенно Н. О. Лернера и В. Я. Брюсова), въ значительной степени обработавшихъ матерьялъ и расчистившихъ путь для научной работы по исторіи и тексту «Гавріилѣды».

ГЛАВЕРИИЛАДА



- 1 Воистину Еврейки молодой
Мнѣ дорого душевное спасенье.
Приди ко мнѣ, прелестный Ангель мой,
И мирное прими благословенье!
- 5 Спасти хочу земную красоту!
Любезныхъ устъ улыбкою довольный,
Царю Небесъ и Господу Христу
Пою стихи на лирѣ богомольной.
Смиранныхъ струнъ, быть можетъ, наконецъ
- 10 Ее плѣнять церковные напѣвы;
И Духъ Святой сойдетъ на сердце дѣвы;
Властитель онъ и мыслей и сердецъ!
Шестнадцать лѣтъ, невинное смиренье,
Бровь темная, двухъ дѣвственныхъ холмовъ
- 15 Подъ полотномъ упругое движенье,
Нога любви, жемчужный рядъ зубовъ;—
Зачѣмъ же ты, Еврейка, улыбнулась
И по лицу румянецъ пробѣжала?
Нѣтъ, милая, ты право обманулась:
- 20 Я не тебя,—Марію описалъ.
Въ глуши полей, вдали Ерусалима,
Вдали забавъ и юныхъ волокитъ,
Которыхъ бѣсъ для гибели хранить,
Красавица, никѣмъ еще не зрима,
- 25 Безъ прихотей вела спокойный вѣкъ.
Ея суругъ, почтенный человѣкъ,



- Сѣдой старикъ, плохой столяръ и плотникъ,
Въ селеньѣ былъ единственный работникъ.
И день и ночь, имѣя много дѣлъ,
30 То съ уровнемъ, то съ вѣрною пилою,
То съ топоромъ, не много онъ смотрѣлъ
На прелести, которыми владѣлъ,
И тайный дѣлътъ, которому судьбою
Назначена была иная честь,
35 На стебелькѣ не смѣлъ еще процвѣсть.
Лѣнивый мужъ своею старой лейкой
Въ часъ утренній не орошалъ его;
Онъ какъ одея съ невинной жилъ Еврейкой
Ее кормилъ—и больше ничего.
40 Но, братія, съ небесъ во время оно
Всевышній Богъ склонилъ привѣтный взоръ
На стройный станъ, на дѣвственное лоно
Рабы своей—и чувствуя задоръ,
Онъ положилъ въ премудрости глубокой
45 Благословить достойный вертоградъ,
Сей вертоградъ забытый, одинокой,
Щедрою таинственныхъ наградъ!
Уже поля нѣмая ночь объемлетъ;
Въ своемъ углу Марія сладко дремлетъ.
50 Всевышній рекъ,—и дѣвъ снится сонъ:
Предъ нею вдругъ открылся небосклонъ;
Во глубинѣ небесъ необозримой,
Въ сіяніи и славѣ нестерпимой
Тьмы Ангеловъ волнуются, кипятъ,
55 Безчисленны летаютъ Серафимы
Струнами арфъ брядаютъ Херувимы,
Архангелы въ безмолвіи сидятъ,
Главы закрывъ лазурными крылами,—
И, яркими одѣянъ облаками,
60 Предвѣчнаго стоитъ предъ ними тронъ.
И свѣтель вдругъ очамъ явился Онъ...
Всѣ пали ницъ!.. Умолкнулъ арфы звонъ.



- Склонивъ главу, едва Марія дышетъ,
Дрожитъ какъ листь и голосъ Бога слышитъ:
- 65 «Краса земныхъ, любезныхъ дочерей,
Израиля надежда молодая!
Зову тебя, любовію пылая,
Причастница ты славы будь моей:
Готовь себя къ невѣдомой судьбинѣ,
70 Женихъ грядетъ, грядетъ, къ своей рабынѣ!»
Вновь облакомъ одѣлся Божій тронъ;
Возсталъ духовъ крылатый легионъ,
И раздались небесной арфы звуки...
Открывъ уста, сложивъ умильно руки
- 75 Лицу небесъ Марія предстоить.
Но что же такъ волнуетъ и манитъ
Ея къ себѣ внимательные взгляды?
Кто сей въ толпѣ придворныхъ молодыхъ
Съ нея очей не сводитъ голубыхъ?
- 80 Пернатый шлемъ, роскошные наряды,
Сіянье крылъ и локоновъ златыхъ,
Высокій станъ, взоръ томный и стыдливой,—
Все нравится Маріи молчаливой.
Замѣченъ онъ, одинъ онъ сердцу милъ!
- 85 Гордись, гордись, Архангелъ Гавріилъ!
Пропало все, не внемля дѣтской пѣни;
На полотнѣ такъ исчезаютъ тѣни,
Рожденныя въ волшебномъ фонарѣ.
Красавица проснулась на зарѣ
- 90 И нѣжилась на ложѣ томной лѣни.
Но дивный сонъ, но милый Гавріилъ
Изъ памяти ея не выходилъ.
Царя Небесъ плѣнить она хотѣла,
Его слова приятны были ей,
- 95 И передъ нимъ она благоговѣла,—
Но Гавріилъ казался ей милѣй...
Такъ иногда супругу генерала
Затянутый прельщаетъ адъютантъ.



- Что дѣлать намъ? судьба такъ приказала,—
100 Согласны въ томъ невѣжда и педаантъ.
 Поговоримъ о странностяхъ любви.
 Не смыслю я другаго разговора.
 Въ тѣ дни, когда отъ огненнаго взора
 Мы чувствуемъ волненіе въ крови,
105 Когда тоска обманчивыхъ желаній
 Объемлетъ насъ и душу тяготить,
 И всюду насъ преслѣдуетъ, томить
 Предметъ одинъ и думы и страданій,—
 Не правда ли, въ толпѣ молодыхъ друзей
110 Наперсника мы ищемъ и находимъ;
 Съ нимъ тайный гласъ мучительныхъ страстей
 Нарѣчимъ восторговъ переводимъ.
 Когда же мы поймали на лету
 Крылатый мигъ небесныхъ упоеній
115 И къ радостямъ на ложе наслажденій
 Стыдливую склонили красоту;
 Когда любви забыли мы страданье
 И нечего намъ болѣе желать,—
 Что бъ оживить о ней воспоминанье
120 Съ наперсникомъ мы любимъ поболтать.
 И ты, Господь! позналъ ея волненье,
 И ты пылалъ, о Боже, какъ и мы!
 Создателю постыло все творенье,
 Наскучило небесное моленье,
125 Онъ сочинялъ любовные псалмы
 И громко пѣлъ: «Люблю, люблю Марію,
 Въ унынїи безсмертіе влachu...
 Гдѣ крылія?.. Къ Маріи полечу
 И на груди красавицы почію!»
130 И прочее.. все, что придумать могъ,—
 Творецъ любилъ восточный, пестрый слогъ.
 Потомъ, призвавъ любимца Гавріила,
 Свою любовь онъ прозой объяснялъ.
 Бесѣды ихъ намъ дерковъ утаила,



- 135 Евангелистъ немного оплошалъ,
Но говоритъ армянское преданье,
Что Царь небесъ, не пожалѣвъ похвалъ,
Въ меркуріи Архангела избралъ
Замѣтя въ немъ и умъ и дарованье—
- 140 И вечеркомъ къ Маріи подослалъ.
Архангелу другой хотѣлось чести:
Нерѣдко онъ въ посольствахъ былъ щастливъ;
Переносить записочки да вѣсти
Хоть выгодно, но онъ самолюбивъ!
- 145 И славы сынъ, намѣренье сокрывъ
Сталъ не хотя услужливый угодникъ
Царю небесъ... а по земному сводникъ.
Но старый врагъ, не дремлетъ Сатана!
Услышалъ онъ шатаясь въ бѣломъ свѣтѣ
- 150 Что Богъ пмѣлъ Еврейку на примѣтѣ,
Красавицу, которая должна
Спасти нашъ родъ отъ вѣчной муки ада;
Лукавому великая досада—
Хлопочеть онъ. Всевышній, между тѣмъ,
- 155 На небесахъ сидѣлъ въ уныньѣ сладкомъ,
Весь міръ забывъ, не правилъ онъ ничѣмъ—
И безъ него все шло своимъ порядкомъ.
Чтожь дѣлаетъ Марія? Гдѣ она,
Иосифа печальная подруга?..
- 160 Въ своемъ саду, печальныхъ думъ полна,
Проводитъ часъ невиннаго досуга
И снова ждетъ плѣнительнаго сна;
Съ ея души не сходитъ образъ милой,
Къ Архангелу летитъ душой унылой...
- 165 Въ прохладѣ пальмъ, подъ говоромъ ручья
Задумалась красавица моя;
Не мило ей цвѣтовъ благоуханье,
Не весело прозрачныхъ водъ журчанье...
И видитъ вдругъ: прекрасная змія
- 170 Приманчивой блистая чешуею



- Въ тѣни вѣтвей качается надъ нею
И говоритъ: «Любимица небесъ!
Не убѣгай, — я плѣнникъ твой послушной»..
Возможно ли? о чудо изъ чудесъ!
- 175 Кто жь говорилъ Маріи простодушной
Кто жь это былъ? Увы, конечно, бѣсъ.
Краса змія, цвѣтовъ разнообразность,
Ея привѣтъ, огонь лукавыхъ глазъ
Понравились Маріи въ тотъ же часъ.
- 180 Чтобъ усладить младого сердца праздность,
На Сатаѣ покоя нѣжный взоръ,
Съ нимъ завела опасный разговоръ:
«Кто ты, змія? По льстивому напѣву,
По красотѣ, по блеску, по глазамъ —
- 185 Я узнаю того, кто нашу Еву
Привлечь успѣлъ къ таинственному древу
И тамъ склонилъ несчастную къ грѣхамъ.
Ты погубилъ неопытную дѣву,
А съ нею весь Адамовъ родъ и насъ!
- 190 Мы въ безднѣ бѣдъ невольны потонули.
Не стыдно ли?»
— Попы васъ обманули,
И Еву я не погубилъ, а спасъ.
«Спасъ! отъ кого?»
— Отъ Бога.
«Врагъ опасный!»
— Онъ былъ влюбленъ.
«Послушай! берегись»
- 195 — Онъ къ ней пылалъ —
«Молчи»
— любовью страстной,
Она была въ опасности ужасной. —
«Змія, ты лжешь.»
— Ей Богу!
«Не божись».
— Но выслушай!..



Подумала Марія:

- « Не хорошо въ саду, наединѣ,
200 Украдкою внимать навѣтамъ змія
И кстати ли повѣрять сатанѣ?
Но Царь небесъ меня хранитъ и любитъ,
Всевышній благъ: онъ, вѣрно, не погубитъ
Своей рабы, — за что жь? за разговоръ!
205 Къ тому-же онъ не дастъ меня въ обиду:
Да и змія скромна довольно съ виду,
Какой тутъ грѣхъ? Гдѣ зло? пустое, вздоръ!»
Подумала и ухо преклонила,
Забывъ на часъ любовь и Гавріила.
- 210 Лукавый бѣсъ, надменно развернувъ
Гремучій хвостъ, согнувъ дугою шею,
Съ вѣтвей скользитъ — и падаетъ предъ нею;
Желаній огонь во грудь ея вдохнувъ,
Онъ говоритъ:
« Съ рассказомъ Моисея
215 Не соглашу рассказа моего:
Онъ вымысломъ хотѣлъ плѣнить Еврея,
Онъ важно лгалъ, — и слушали его.
Богъ наградилъ въ немъ слогъ и умъ покорный,
Сталъ Моисей извѣстный господинъ,
220 Но я, повѣрь, — историкъ не придворный,
Не нуженъ мнѣ пророка важный чинъ.
« Онѣ должны — красавицы другія —
Завидовать огню твоихъ очей;
Ты рождена, о скромная Марія,
225 Чтобъ изумлять Адамовыхъ дѣтей,
Чтобъ властвовать ихъ легкими сердцами,
Улыбкою блаженства ихъ дарить,
Сводитъ съ ума двумя-тремя словами,
По прихоти — любить и не любить...
230 Вотъ жребій твой. — Какъ ты — младая Ева
Въ своемъ саду, скромна, умна, мила,
Но безъ любви въ уныніи цвѣла,



- Всегда одни, глазъ-на-глазъ, мужъ и дѣва
На берегахъ Эдема свѣтлыхъ рѣкъ
235 Въ спокойствіи вели невинный вѣкъ.
Скучна была ихъ дней однообразность,
Ни рощи сѣнь, ни молодость, ни праздность —
Ничто любви не воскрешало въ нихъ;
Рука съ рукой гуляли, пили, ѣли,
240 Зѣвали днемъ, а ночью не имѣли
Ни страстныхъ игръ, ни радостей живыхъ...
Что скажешь ты? Тиранъ несправедливый
Еврейскій Богъ, угрюмый и ревнивый,
Адамову подругу любя,
245 Ее хранилъ для самого себя...
Какая честь? и что за наслажденье?
На небесахъ, какъ будто въ заточеньѣ
У ногъ его молися да молись,
Хвали его, красѣ его дивись,
250 Взглянуть не смѣи украдкой на друга
Съ Архангеломъ тихонько молвить слово;
Вотъ жребій той, которую Творецъ
Себѣ возьметъ въ подруги наконецъ.
И что жъ потомъ? За скуку, за мученье
255 Награда вся дьячковъ осиплыхъ пѣнье,
Свѣчи, старухъ докучная мольба,
Да чадъ кадилъ, да образъ подъ алмазомъ,
Написанный какимъ-то богомазомъ...
Какъ весело! Завидная судьба!
260 «Мнѣ стало жаль моей прелестной Евы;
Рѣшился я, Создателю на зло,
Разрушить сонъ и юноши и дѣвы.
Ты слышала, какъ все произошло?
Два яблока, вися на вѣткѣ дивной,
265 Щастливый знакъ, любви символъ призывной,
Открыли ей неясную мечту,
Проснулись неясныя желанья,
Она свою познала красоту



- И нѣгу чувствъ, и сердца трепетанье,
270 И юнаго супруга наготу.
Я видѣлъ ихъ! Любви — мой науки —
Прекрасное начало видѣлъ я!
Въ глухой лѣсокъ ушла чета моя,
Тамъ быстро ихъ блуждали взгляды, руки...
- 275 Межъ милыхъ ногъ супруги молодой
Заботливый, неловкій и нѣмой,
Адамъ искалъ восторговъ упоенья,
Неистовымъ исполненный огнемъ,
Онъ вопрошалъ источникъ наслажденья
- 280 И, закипѣвъ душой, терялся въ немъ...
И не страшась божественнаго гнѣва,
Вся въ пламени, власы раскинувъ, Ева,
Едва, едва устами шевеля,
Лобзаніемъ Адаму отвѣчала
- 285 Въ слезахъ любви, въ безчувствіи лежала
Подъ сѣнью пальмъ, — и юная земля
Любовниковъ цвѣтами покрывала.
«Блаженный день! Увѣнчанный супругъ
Жену ласкалъ съ утра до темной ночи,
- 290 Во тьмѣ ночпой смыкалъ онъ рѣдко очи,
И какъ зари украшенъ былъ досугъ
Ты знаешь. Богъ, утѣхи прерывая,
Чету мою лишилъ навѣки рая.
Онъ ихъ изгналъ изъ милой стороны,
- 295 Гдѣ безъ трудовъ они такъ долго жили
И дни свои невинно проводили
Въ объятіяхъ лѣнливой тишины.
Но имъ открылъ я тайну сладострастья
И младости веселыя права,
- 300 Томленье чувствъ, восторги, слезы щастья,
И подѣлуй, и цѣжныя слова.
Скажи теперь: ужели я предатель?
Ужель Адамъ несчастливъ отъ меня?



- Не думаю! но знаю только я,
305 Что съ Евою остался я приятель». Умолкнувъ бѣсъ. Марія въ тишинѣ
Коварному внимаѣ Сатанѣ.
«Что жь? — думала — быть можетъ правъ лукавый!
Слыхала я: ни почестьми, ни славой,
310 Ни золотомъ блаженства не купить;
Слыхала я, что надобно любить...
Любить! Но какъ? зачѣмъ? и что такое?..»
А между тѣмъ вниманье молодое
Ловило все въ разсказахъ Сатаны:
315 И дѣйствія, и странныя причины,
И смѣлый слогъ, и вольныя картины;
Охотники мы всѣ до новизны.
Часъ отъ часу неясное начало
Опасныхъ думъ казалось ей яснѣй,
320 И вдругъ змѣи какъ будто не бывало —
И новое явленье передъ ней:
Марія зреть красавца молодова.
У ногъ ея, не говоря ни слова,
Къ ней устремивъ чудесный блескъ очей,
325 Чего то онъ краснорѣчиво просить,
Одной рукой двѣточекъ ей подносить,
Другую мнетъ простое полотно
И крадется подъ ризы торопливо,
И легкій перстъ касается игриво
330 До милыхъ тайнъ... Все для Маріи диво
Все кажется ей ново, мудрено, —
А между тѣмъ румянецъ не стыдливой,
На дѣвственныхъ ланитахъ заиграѣ —
И томный жаръ и вздохъ нетерпѣливой
335 Младую грудь Маріи подымалъ.
Она молчить; но вдругъ не стало мочи,
Къ лукавому склонивъ свою главу
Едва дыша, закрыла томны очи,
Вскричала: ахъ!.. и пала на траву...



- 340 О милый другъ! кому я посвятилъ
Мой первый сонъ надежды и желанья!
Красавица, которой былъ я милъ,
Простишь ли мнѣ мои воспоминанья?
Мои грѣхи, забавы юныхъ дней,
- 345 Тѣ вечера, когда въ семьѣ твоей
При матери докучливой и строгой,
Тебя томилъ я тайною тревогой
И просвѣтилъ невинныя красы?
Я научилъ послушливую руку
- 350 Обманывать печальную разлуку
И усладить безмолвные часы
Безсонницы дѣвическую муку.
Но молодость утрачена твоя,
Отъ блѣдныхъ устъ улыбка отлетѣла,
- 355 Твоя краса во цвѣтѣ помертвѣла...
Простишь ли мнѣ, о милая моя?
Отецъ грѣха, Маріи врагъ лукавый.
Ты сталъ и былъ предъ нею виноватъ
Ея тебѣ приятель былъ развратъ!..
- 360 И ты успѣлъ преступною забавой
Всевышняго супругу просвѣтить
И дерзостью невинность изумить.
Гордись, гордись своею проклятою славой!
Спѣши ловить, но близокъ, близокъ часъ!
- 365 Вотъ меркнетъ свѣтъ, заката лучъ погасъ.
Все тихо. Вдругъ надъ дѣвой утомленной
Шумя паритъ Архангелъ окрыленной, —
Посолъ любви, блестящій сынъ небесъ.
Отъ ужаса при видѣ Гавріила
- 370 Красавица лице свое закрыла.
Предъ нимъ возсталъ, смутился мрачный бѣсъ,
И говоритъ: «Щастливецъ горделивый,
Кто звалъ тебя? Зачѣмъ оставилъ ты
Небесный дворъ, ээира высоты?



- 375 Зачѣмъ мѣшать утѣхѣ молчаливой,
Занятіямъ чувствительной четы?
Но Гавріилъ, нахмура взглядъ ревнивый,
Рекъ на вопросъ и дерзкой и шутливый
«Безумный врагъ небесной красоты,
380 Повѣса злой, изгнанникъ безнадежной,
Ты соблазнилъ красу Маріи нѣжной
И смѣешь мнѣ вопросы задавать?
Бѣги сейчасъ, безстыдникъ, рабъ мятежной,
Иль я тебя заставлю трепетать!» —
- 385 «Не трепетай отъ вашихъ я придворныхъ,
Всевышняго прислужниковъ покорныхъ,
Отъ сводниковъ небеснаго царя». —
Проклятый рекъ, и злобою горя,
Наморщивъ лобъ, скосясь, кусая губы,
390 Архангела ударилъ прямо въ зубы.
Раздался крикъ, шатнулся Гавріилъ
И лѣвое колѣно преклонилъ;
Но вдругъ возсталъ, исполненъ новымъ жаромъ,
И Сатану нечаяннымъ ударомъ
- 395 Хватилъ въ високъ. Бѣсъ ахнулъ, поблѣднѣлъ —
И кинулись въ объятія другъ другу.
Ни Гавріилъ, ни бѣсъ не одолѣлъ:
Сплетенные кружась идутъ по лугу
На вражью грудь опершись бородой
400 Соединивъ крестъ на крестъ ноги, руки
То силою, то хитростью науки
Хотятъ увлечь другъ друга за собой.
Не правда ли? Вы помните то поле
Друзья мои, гдѣ въ прежни дни, весной,
405 Оставя классъ, мы бѣгали на волѣ
И тѣшились отважною борьбой.
Усталые, забывъ и брань и рѣчи,
Такъ ангелы боролись межъ собой.
Подземный даръ, буянь широкоплечій,
410 Вотще кряхтѣлъ съ увертливымъ врагомъ,



- И, наконецъ, желая кончить разомъ,
Съ Архангела пернатый сбилъ шеломъ,
Златой шеломъ, украшенный алмазомъ, —
Схвативъ врага за мягкіе волосы
- 415 Онъ сзади гнетъ могучею рукою
Къ сырой землѣ. Марія предъ собою
Архангела зрить юныя красы,
И за него въ безмолвіи трепещеть.
Ужь ломить бѣсъ, ужь адъ въ восторгѣ плещеть ;
- 420 По щастію проворный Гавріилъ
Впился ему въ то мѣсто роковое,
Излишнее почти во всякомъ боѣ),
Въ надменный членъ, которымъ бѣсъ грѣшилъ.
Проклятый палъ! Пощады запросилъ
- 425 И въ темный адъ едва нашель дорогу.
На дивный бой, на страшную тревогу
Красавица глядѣла чуть дыша;
Когда же къ ней, свой подвигъ соверша,
Привѣтливо Архангелъ обратился,
- 430 Огонь любви въ лицѣ ея разлился
И нѣжностью исполнилась душа.
Ахъ какъ была Еврейка хороша.
Посоль краснѣлъ и чувства чужія
Такъ изъяснялъ въ божественныхъ словахъ :
- 435 «О, радуйся, невинная Марія!
Любовь съ тобой, прекрасна ты въ женахъ;
Стократъ блаженъ твой плодъ благословенный
Спасетъ онъ міръ и низпровергнетъ адъ!..
Но признаюсь душою откровенной
- 440 Отецъ его блаженнѣе стократъ!
И передъ ней колѣнопреклоненный
Онъ между тѣмъ ей нѣжно руку жалъ...
Потупя взоръ прекрасная вздыхала
И Гавріилъ ее подѣловалъ.
- 445 Смутясь она краснѣла и молчала,
Ея груди дерзнулъ коснуться онъ...



- «Оставь меня!» Марія прошептала
И въ тотъ же мигъ лобзаньемъ заглушень
Невинности послѣднй крикъ и стонъ...
- 450 Что дѣлать ей? Что скажетъ Богъ ревнивый?
Не сѣтуйте, красавицы мои,
О женщины, наперсницы любви!
Умѣете вы хитростью щастливой
Обманывать вниманье жениха
- 455 И знатокѡвъ внимательные взоры,
И на слѣды приятнаго грѣха
Невинности набрасывать уборы.
Отъ матери проказливая дочь
Береть урокъ стыдливости покорной
- 460 И мнимыхъ мукъ, и съ робостью притворной
Играетъ роль въ рѣшительную ночь;
И по утру, оправясь понемногу,
Встаетъ блѣдна, чуть ходитъ, такъ томна!
Въ восторгѣ мужъ, мать шепчетъ: Слава Богу,
- 465 А старый другъ стучится у окна.
Ужъ Гавриилъ съ извѣстiемъ приятнымъ
По небесамъ летитъ путемъ обратнымъ. —
Наперсника нетерпѣливый Богъ
Привѣтствiемъ встрѣчаетъ благодатнымъ:
- 470 «Что новаго?» — «Я сдѣлалъ все, что могъ,
Я ей открылъ.» — «Ну что жъ она?» — «Готова».
И Царь небесъ, не говоря ни слова,
Съ престола всталъ и манiемъ бровей
Всѣхъ удалилъ, какъ древнiй Богъ Гомера,
- 475 Когда смирялъ безчисленныхъ дѣтей;
Но Гречии навѣкъ угасла вѣра,
Зевеса нѣтъ, мы сдѣлались умнѣй.
Упоена живымъ воспоминаньемъ
Въ своемъ углу Марія въ тишинѣ
- 480 Покоилась на смятой простынѣ.
Душа горитъ и нѣгой и желаньемъ
Младую грудь волнуетъ новый жаръ.



- Она зоветъ тихонько Гавріла,
Его любви готова тайный даръ,
485 Ночной покровъ ногою отдала,
Довольный взоръ съ улыбкою склонила,
И, щастлива въ прелестной наготѣ,
Сама своей дивилась красотѣ!
Но между тѣмъ въ задумчивости нѣжной
490 Она грѣшитъ, — прелестна и томна,
И чашу пьетъ отрады безмятежной.
Смѣешься ты, лукавый Сатана!
И что же, вдругъ мохнатый, бѣлокрылый
Въ ея окно встаетъ голубъ милый
495 Надъ нею онъ порхаетъ и кружить.
И пробуетъ веселые напѣвы,
И вдругъ летитъ въ колѣни милой дѣвы,
Подъ ризою садится и дрожитъ
Клюетъ ее, копошется, вертится,
500 И ножками и носкомъ трудится.
Онъ! точно онъ! — Марія поняла,
Что въ голубѣ другаго угощала;
Колѣни сжавъ Еврейка закричала,
Вздыхать, дрожать, молиться начала,
505 Заплакала, но голубъ торжествуетъ
Въ жару любви трепещетъ и воркуетъ,
И падаетъ, объятый легкимъ сномъ,
Пріосѣня цвѣтокъ любви крыломъ.
Онъ улетѣлъ. Усталая Марія
510 Подумала: «Вотъ шалости какія!
Одинъ, два, три — какъ это имъ не лѣнь?
Могу сказать, перенесла тревогу:
Досталась я въ одинъ и тотъ же день
Лукавому, Архангелу и Богу.»
515 Всевышній Царь, какъ водится, потомъ
Призналъ своимъ Еврейской дѣвы сына,
Но Гаврілъ — завидная судьбина —
Не преставаъ являться ей тайкомъ.



- Какъ многіе, Іосифъ былъ утѣшенъ,
520 Онъ предъ женой по прежнему безгрѣшенъ.
Христа любилъ какъ сына своего,
За то Господь и наградилъ его.
Аминь, аминь! Чѣмъ кончу я рассказы?
Навѣкъ забывъ старинныя проказы
525 Я пѣлъ тебя, крылатый Гавріилъ!
Смирненныхъ струнь тебѣ я посвятилъ
Усердное, спасительное пѣнье:
Храни меня, внемли мое моленье.
Досель я былъ еретикомъ въ любви,
530 Младыхъ богинь безумный обожатель,
Другъ демона, повѣса и предатель...
Разкаянье мое благослови!
Приемлю я намѣренья благія,
Перемѣнюсь: Елену видѣлъ я;
535 Она мила какъ нѣжная Марія!
Подвластна ей навѣкъ душа моя!
Монимъ рѣчамъ придай очарованье,
Понравится повѣдай тайну мнѣ,
Въ ея груди зажги любви желанье,
540 Не то пойду молиться Сатанѣ!
Но дни бѣгутъ, и время сѣдиною
Мою главу тишкомъ осеребрить
И важный бракъ съ любезною женою
Предъ алтаремъ меня соединить.
545 Іосифа прекрасный утѣшитель!
Молю тебя, колѣна преклоня,
О, рогачей заступникъ и хранитель,
Молю—тогда благослови меня,
Даруй ты мнѣ блаженное терпѣнье,
550 Молю тебя, пошли мнѣ вновь и вновь
Спокойный сонъ, въ супругѣ увѣренье,
552 Въ семействѣ миръ и къ ближнему любовь.

РАЗНОЧТЕНІЯ СПИСКОВЪ

Подзаголовокъ. Чтеніе Ефремова и Гаевского. У Огарева и варьянтъ Ефремова — «поэма въ одной пѣснѣ».

Стихъ 11. Чтеніе Гербеля, Якушкина, Венгерова и Гаевского (оба списка)

у Ефремова: «... освятить сердце дѣвы»

у Огарева: «... освѣнить сердце дѣвы»

Стихъ 13. Чтеніе Вяземскаго, Ефр. Гаев., Венг., Морозова, Як.

у Огарева: «... невинное творенье»

Стихъ 14. Чтеніе Вяземскаго, Мор. и Як. (возможно, что въ этихъ изданіяхъ выправлено по изданію Остафьевскаго Архива).

У Огарева, Ефремова, Венгерова и Гаевского — «Бровь черная...»

Стихъ 19. Чтеніе Ефр., Мор., Гаев. Въ варьянтахъ Ефр., у Огар., Венг., Як.: «Ахъ милая...» Кромѣ того стихи 19 и 20 слѣдуютъ въ обратномъ порядкѣ у Огар., Як. и Венг., благодаря чему получается смежность двухъ женскихъ не римающихся строкъ. Во II сп. Гаевск. 19 ст. пропущенъ.

Стихъ 21. «Въ глуши» — чтеніе Ефр., Гаев. и Герб. Въ варьянтъ Ефр. (со ссылкой на Остафьевскій Архивъ) (?), у Огар., Мор., Венг. и Як. — «Въ тиши». Орѳогр. «Ерусалима» — Ефр. Пушкинъ былъ чувствителенъ ко графическому счету слоговъ по гласнымъ и поэтому орѳ. Ерусалима въ др. спискахъ, какъ нарушающая счетъ слоговъ, вѣроятно не восходитъ къ авторской рукописи.

Стихъ 23. У Ефр. этотъ стихъ въ скобкахъ: пунктуация Пушкину не свойственная.



Стихъ 24. У Гаевск. въ обоихъ спискахъ ..«еще никѣмъ незрима».

Стихъ. 25. Чтеніе Ефр., Гаев., Герб. У Огар., Як., Мор. и Венг. «— Безъ прихоти...»

Стихъ 33. У Як. «и темный цвѣтъ».

Стихъ 34. Чтеніе Вяземск., Ефр., Венг., Мор. и Як.

У Герб., Гаев. и Огар. «... другая честь». Въ изд. «Альціоны» это чтеніе обосновывается тѣмъ, что «сочетаніе гласныхъ «была иная» менѣе въ духѣ Пушкина». Однако въ «Кавказскомъ Пѣвникѣ» читаемъ:

Война и красныя дѣвицы...

Но умолю отда и брата... и т. д.

Въ той же «Гавріиліадѣ» есть стихъ:

Въ меркуріи Архангела избралъ...

Стихъ 35. Чтеніе Гаев., Вяземск., Венг., Мор., Як. и Ефр. Въ варьянт. Ефр., у Огар. и Герб.— «... не смѣлъ еще расцвѣсть».

Стихъ 37. Въ основномъ текстѣ Ефр.— «... не поливалъ его». Въ варьянт. и во всѣхъ другихъ спискахъ, въ томъ числѣ у Вяземскаго — какъ въ текстѣ.

Стихъ 40. Чтеніе Ефр. и Гаевск. У Огар., Як. и въ варьянт. Ефр. «Но съ праведныхъ небесъ...»

Стихъ 41. У Ефр.— «... пресвѣтлый взоръ»:

Ср. у Пушк. Какимъ огнемъ блеснулъ привѣтный взоръ...

(«Наперсница волшебной старины» 1821 г.)

Стихъ 43. Чтеніе Гаевск., Венг. и Огар. У Ефр.— «Своей рабы...»

Стихъ 45. У Ефр. первоначально «виноградъ».

Стихъ 47. Чтеніе Ефр. Гаевск., Огар. У Венг.— «Щедротами...»

Стихъ 49. Чтеніе Гаев., Як., Венг., Огар. У Ефр.— «... тихо дремлетъ».

Стихи 51 и 52. Чтеніе Огар., Як., Мор. и Венг. Бартеновымъ въ «Русск. Арх.» 1881 г. будто бы по рукописи Пушкина напечатано:

И вдругъ предъ нимъ открылся небосклонъ.

Во глубинѣ небесъ необозримой



У Ефр. и Гаев.

Предъ нею вдругъ открылся небосклонъ
Во глубинѣ своей необозримой;

Стихъ 54. Чтеніе Ефр. и Гаев. (I списокъ)

У Як.: Тьмы Ангеловъ волнуются, кишать,

Въ «Русск. Арх.», Мор., Венг. и вар. Ефр.:

Тамъ Ангелы волнуются, кишать,

У Гаевск. (II списокъ):

И Ангелы вокругъ волнуются, кипятъ (6-ти ст. стихъ

У Огар.

Тьмы Ангелы волнуются, кишать.

Въ изд. «Альціоны» въ защиту послѣдняго чтенія сказано «столкновеніе двухъ в (въ концѣ слова и въ началѣ слѣдующаго) — не Пушкинское».

Стихъ 57. Въ «Р. Арх.» «... Задумчиво сидятъ».

Стихъ 59. Во II сп. Гаев. «... одѣты...»

Стихъ 68. Во II сп. Гаевск.: Причастница ты свѣтлости моей.

Стихъ 69. «Готовь себя...» — чтеніе Ефр. У Гаевск. «Готовься ты», у Огар. и Венг. «Готова будь». Кромѣ того у Огар.: «... святынѣ».

Стихъ 70. Въ I сп. Гаев. «Зане женихъ...», во II — «Женихъ зане...»

Стихъ 72. У Ефр. «крылатыхъ». У него же варьянтъ и во всѣхъ пр. списк. какъ здѣсь.

Стихъ 74. У Венг. «Склонивъ главу, сложивъ умильно руки» очевидно заимствовано изъ 65-го стиха. Ср. въ «Кавк. Пл.» «Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая»

впрочемъ также: «Главу склонивъ, потупя взоръ».

Стихъ 76. У Ефр. «Но что жъ ее волнуеть, что манить». У Гаевск. «Но что жъ ее волнуеть и манить». У всѣхъ друг. какъ здѣсь.



Стихъ 77. Чтеніе Ефр. У Гаевск. пропущено «къ себѣ» (У Ефр. эти слова вписаны). Въ вар. Ефр., у Огар., Венг., — «... внимательные взоры». Вал. Брюсовъ во вступит. статьѣ цитируетъ этотъ стихъ: «... внимательныя очи» и сближаетъ со стихами Пушкин.: «И томныхъ дѣвъ устремлены на васъ внимательныя очи».

Стихъ 80. Чтеніе Ефр. и Гаевск., Въ вар. Ефр. и др. сп. — «... уборы».

Стихъ 86. У Ефр. и Гаевск. другая пунктуация:

Пропало все. — Не внемля дѣтской пѣни,

Стихъ 90. У Венг. «на ложѣ томной лѣни».

Стихъ 93. Чтеніе Ефр. и Гаевск. У Ефр. вар. и у Огар. «она пѣвнѣть хотѣла» у Венг. «любѣть она».

Стихъ 98. Чтеніе Ефр. и Гаев. У Ефр. вар., у Огар., Як. Венг. «пѣвнѣетъ».

У Гаевск. къ этому стиху примѣч.: «Алексѣевъ».

Стихъ 99. Во II сп. Гаев.: «... предписала».

Стихъ 100. У Венг. «невѣжды».

Стихъ 102. Чтеніе Ефр. и Герб. У Гаев., Огар., Венг., Мор. и Як. — «Другаго я не смыслю...»

Стихъ 106. Въ I сп. Гаев.: Объемлетъ духъ и сердце тяготить.

Стихъ 107. У Герб. и Гаев.: «... преслѣдуя, томить».

Стихъ 109. У Ефр. «... въ живой толпѣ друзей». Въ вар. Ефр. и въ др. сп. какъ здѣсь.

Стихъ 112. У Ефр. первон. «восторга».

Стихъ 115. Чтеніе вар. Ефр., Огар., Герб., Мор., Як. У Венг. и Ефр. «на ложѣ», у Гаевск. «на доно». Варьянтъ Венг. встрѣчается въ рук. Завадовскаго 1865 г., кот. вообще слѣдуетъ Огареву за исключеніемъ стиховъ, напечатанныхъ Гербелемъ.

Стихъ 119. У Огар.: «объ ней».

Стихъ 120. У Огар. «Съ наперсникомъ любимымъ поболтать».

Стихъ 121. Въ изд. «Альціоны» со ссылкой на списокъ изъ собранія А. О. (50—60-ыхъ годовъ): «... сіе волненье». Про этотъ списокъ редакторъ говоритъ, что онъ можетъ быть списанъ съ изд. Огар., съ произвольными домыслами переписчика.



Стихъ 124. У Ефр. «... служенье». Въ вар. Ефр., др. сп. какъ здѣсь.

Стихъ 125. Чтеніе Огар. и Венг. У Ефр. — «небесные псалмы» (очевидно эпитетъ перенесенъ изъ сосѣдняго 124 ст.), у Гаев. «духовные псалмы».

Стихъ 128. У Ефр. первонач.: «Гдѣ крылья? Я къ Маріи полечу».

Стихъ 131. У Ефр. и въ спискѣ изъ собр. А. О. — «пышный слогъ».

Стихъ 137. У Ефр. перв. и у Гаев. «не пожалѣлъ похвалъ».

Стихъ 140. У Ефр. «И вечеромъ...»

Стихъ 142. Чтеніе сомнительное. Такъ въ вар. Ефр., у Огар. и Венг. Въ основн. т. Ефр.:

Нерѣдко онъ украдкой былъ счастливъ

У Гаевск.:

Нерѣдко онъ бывалъ и самъ счастливъ

Стихъ 145. У Ефр. первонач. «намѣренья».

Стихъ 147. У Ефр. «Царя небесъ...»

Стихъ 149. Чтеніе Ефр., Гаевск., Огар. У Венг. — «Провѣдалъ онъ, ...»

Стихъ 155. Чтеніе Ефр. и Гаевск. У Огар. «На небѣ самъ...»

Стихъ 156. У Венг.: «Весь міръ забывъ...» Слѣдуетъ отмѣтить, что въ Пушкинскихъ рукописяхъ начертанія «в» и «л» иногда совпадаютъ.

Стихъ 158. У Герб. «Что жъ дѣлаетъ Еврейка?» У Гаевск. «Но что же дѣлаетъ Марія? Гдѣ она,» (6 ст. стихъ).

Стихъ 159. Чтеніе Ефр. и Герб. У Огар., Гаевск. и Венг. — «Іосифа печальная супруга»

Стихъ 160. Чтеніе Ефр., Мор., Венг., Герб. и Гаевск. Въ вар. Ефр., у Як. и Огар.: «Въ своемъ углу...»

Стихъ 162. У Огар.: «И скоро ждетъ...»

Стихъ 163. Чтеніе вар. Ефр., Огар. Венг., Як., Мор., Гаевск. У Ефр. въ основн. текстѣ: «Въ ея мечтахъ все бродитъ...»



- Стихъ 165 — 6. У Герб.: Въ прохладѣ пальмъ красавица моя
Задумалась надъ говоромъ ручья,
Стихъ 168. Чтеніе Ефр., Гаевск., Герб., Венг., Мор.
У Огар. и Як.: «Не весело веселыхъ водъ журчанье»
Стихъ 169. Въ оре. «змѣя» слѣдую списку. Ефр. и Гаев. Въ
др. сп. «змѣя». У Пушкина эти формы равновозможны.
Стихъ 170. У Гаев. «Премѣчивой».
Стихъ 175. «Кто жь говорилъ...» чтеніе Ефр., Герб. и Венг.
У Огар. Як. и вар. Ефр. — «Кто жь говорить...»
У Гаевск. — «Кто говорить»
Кромѣ того у Герб. и Венг. стихъ кончается — «съ Еврейкой
простодушной»,
Стихъ 176. У Венг. — «Кто бъ это былъ...»
У Гаевск. и Герб. — «Кто это былъ...»
Стихъ 177. У Огар. — «... двѣтовъ разнообразныхъ».
У Герб. и Гаевск. — «чешуй разнообразность».
Стихъ 179. Вар. Ефр. «Понравились Маріи тотъ же часъ»
У Герб. «Понравились Еврейкѣ тотъ же часъ».
Стихъ 182. Чтеніе Ефр., II списка Гаевск., Огар., Венг., Як.
У Гаевск. I сп. и Герб. — «пытливый разговоръ».
Стихъ 187. У Гаевск.: «И тамъ, склонивъ несчастную къ грѣ-
хамъ». См. прим. къ ст. 156.
Стихъ 189. У Гаев. «И вмѣстѣ съ нею весь Адамовъ родъ и
насъ» (6-ти ст. стихъ).
Стихъ 190. Чтеніе Ефр., Гаевск. и Як.
У Герб. — «... безвинно потонули».
У Венг. и Огар. — «невинно потонули».
Стихъ 193. У Гаевск. и вар. Ефр. — «Враль опасный»
Стихъ 195. У Гаев. — «Онъ самъ пылалъ...»
Стихъ 201. У Ефр. «Ну кстати ли...»
Стихъ 210. Чтеніе Ефр. Гаевск. и Венг.
У Огар. — «не медля развернуть»
Стихъ 213. Чтеніе Гаевск., Огар., Венг.
У Ефр. — «въ двичью грудь влохнуть».
Стихъ 216. У Огар. — «... плѣнить хотѣлъ Еврея»
У Гаевск. — «... евреевъ»



Стихъ 217. У Гаевск. — «Онъ вздоръ имъ пѣлъ»

Стихъ 218. У Гаевск. пропущены слова «слогъ и». Въ I сп. слова эти вписаны

Стихъ 225. У Венг. — «Чтобы плѣнять...»

Стихъ 226. Чтеніе Ефр. и II списка Гаевского. Въ вар. Ефр., I сп. Гаевск., у Огар. Венг. и Як.

«... надъ нѣжными сердцами»

Стихъ 227. Чтеніе Ефр. Въ др. спискахъ «Улыбкою блаженство имъ дарить».

Ср. Твой богъ не полною отрадой
Своихъ поклонниковъ дарить («Платонизмъ» 1819)
И всѣхъ дарить надеждою пустой («Элегія» 1823)
И миръ блаженствомъ одарить («Евг. Онѣг.»)

Такимъ обр. конструкція «дарить кого-чѣмъ» у Пушкина привычна. Впрочемъ въ нѣсколько иномъ примѣненіи встрѣчается и конструкція «дарить кому что» (примѣры см. Будде «Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина» вып. II стр. 84)

Стихъ 235. Чтеніе Ефр., Венг., Гаевск. и вар. Огар.

Въ текстѣ Огар., у Як. и вар. Ефр. — «... свой тихій вѣкъ»

Стихи 237 и 238 во II сп. Гаевск. отсутствуютъ. Въ I сп. они внесены позднѣе.

Стихъ 238. У Венг. «... не пробуждало въ нихъ»

Стихъ 239. Въ обоихъ изд. «Альціоны» «... жили, ѣли», безъ указанія источника.

Стихъ 243. Чтеніе Ефр., Гаевск., Венг. и вар. Огар. Въ текстѣ у Огар.: «... угрюмый и строптивый».

Стихъ 246. Этотъ стихъ цитируетъ Алексѣевъ въ письмѣ Пушкину 20 марта 1827 г. со слѣд. пунктуацией:

Какая честь и что за наслажденье!

Стихъ 248. У Ефр. первонач.: «... молись все, да молись»

Стихъ 253. Въ I сп. Гаев. «... въ супруги...»

Стихъ 254. У Венг.: «за скуку и мученье»

Стихъ 255. Во II сп. Гаевск. «ослино пѣнье» у Ефр. первонач. «... осипшихъ...»



Стихъ 256. Чтеніе Ефр. и Гаевск. У Венг. слово «свѣчи» пропущено. У Огарева

«Свѣча, старухъ докучная мольба», въ I сп. Гаевск. вариантъ: «Дрянныхъ старухъ...»

Стихъ 257. У Ефр. въ основн. текстѣ «Да рядъ кадицъ...» Въ вар. и др. сп. какъ здѣсь.

Стихъ 265. У Венг. «Завѣтный знакъ...»

У Ефр. первонач.: «Счастливый знакъ любви, символъ призывной».

Стихъ 267. У Ефр. «Внушили ей неясное желанье»

Стихъ 273. Чтеніе Ефр. и Огар.

У Гаевск. — «Въ глубокой лѣсъ...»

У Венг. — «Въ тѣнистый лѣсъ...»

Стихъ 274. У Гаевск. «... взглядъ и руки»

Стихъ 275. Чтеніе Гаевск. и вар. Ефр. У Венг. — «У милыхъ ногъ супруги молодой»

У Огар. и осн. текстъ Ефр. — «Межъ милыхъ ногъ подруги молодой»

Стихъ 276. У Венг. этого стиха нѣтъ.

У Огар. — «Застѣнчивый, неловкій и нѣмой»

Стихъ 277. У Венг. пунктуация: «... восторговъ, упоенья».

Стихъ 278. У Венг. и Огар. этого стиха нѣтъ. Судя по номерации стиховъ его не было и въ спискѣ Як. Во II сп. Гаевского «Неистовый»

Стихъ 280. У Венг. «И въ немъ терялся, закипѣвъ душой». Перестановка словъ совершена съ нарушеніемъ цезуры, очевидно, для образованія рифмы, исчезнувшей за выпаденіемъ 278 стиха. Въ такой формѣ этотъ стихъ рифмовалъ съ 275.

Стихъ 281. У Ефр. первонач.: «И не страшился божескаго гнѣва».

Стихъ 284. Чтеніе Гаевск. Венг. и вар. Ефр.

У Огар. и перв. Ефр. — «Лобзаніямъ Адама отвѣчала...»

Стихъ 286. Чтеніе Ефр. и Гаевск.

У Огар. и Венг. — «Подъ тѣнью пальмъ...»

Стихъ 287. У Огар. въ основн. текстѣ: — «... цвѣтами осыпала». Въ вар. Огар. и во всѣхъ др. спискахъ, какъ здѣсь — «покрывала».



Стихъ 289. Чтеніе Ефр. и Гаевск. Въ вар. Ефр., у Огар. и Венг. — «до поздней ночи».

Стихъ 290. У Венг. «смежалъ онъ рѣдко очи». У Гаевск. этого стиха нѣтъ. Въ I сп. онъ вписанъ позднѣе.

Стихъ 291. Чтеніе Гаевск. и Огар.

У Ефр. первонач. — «Но какъ зари...»

Вар. Ефр. и у Венг. — «Какъ ихъ тогда...»

Стихъ 294. У Венг. — «изъ мирной стороны».

Стихъ 295. Чтеніе Ефр. и Гаевск.

У Огар., Венг. и вар. Ефр. — «... столь сладко жили».

Стихъ 297. У Гаевск. въ I спискѣ: «но я открылъ имъ...»

Стихъ 299. У Ефр. перв. — «И юности...»

Стихъ 303. У Як. «... несчастенъ отъ меня».

Стихъ 314. У Венг.: «... въ разказѣ Сатаны».

Стихъ 319. У Венг.: «... казалось яснѣй»,

Стихъ 321. У Гаевск. II сп. «и новое явленіе предъ ней»

Стихъ 323. Чтеніе Ефр. и II сп. Гаевск.

У Венг.: «У ногъ ея! Не говоря ни слова»,

(послѣ 322 точки нѣтъ).

У Огар., вар. Ефр. и I сп. Гаевск.: «У ногъ своихъ. Не говоря ни слова»,

Стихъ 324. У Гаевск. въ I сп.: «къ ней устремилъ...» См. прим. къ стиху 156. Во II сп. «небесный блескъ очей»

Стихъ 326. У Венг. «... цвѣточекъ онъ подноситъ»

Стихъ 327 чтеніе Ефр. и Гаевск.

У Огар. и Венг.: «Другая мнетъ...»

Стихъ 330. У Ефр. «Далекихъ тайнъ...»

Стихъ 334. У Ефр. «И тайный жаръ...»

Стихъ 335. Во II сп. Гаев. «... волновалъ»

Стихи 337—8. Чтеніе Ефр. и I сп. Гаевск. У Ефр. къ ст. 338 вар. — «закрѣла томно очи». Во II сп. Гаев. нѣтъ 338 стиха.

Вар. Ефр. II сп. Гаев., Венг. и Огар.:

Закрѣлися блистательныя очи,

Къ лукавому склонивъ на грудь главу,

У Венг. «... на грудь склонивъ...»



Стихъ 341. Чтеніе Гаевск., Ефр. и Герб. съ пропускомъ запятой послѣ слова «сонъ»

У Огар., Венг., Як. и Мор.: «Всѣ первыя надежды и желанья».

Стихъ 342. Чтеніе Ефр., Мор. и II сп. Гаевск.

У Огар., Як., Венг., Герб. и I сп. Гаевск. — «... я былъ милъ».

Стихъ 349. У Гаевск. — «И научилъ...» Кромѣ того въ спискѣ вмѣсто «послушливую» — «докучливую» — очевидный переносъ эпитета изъ 346 стиха.

Стихъ 352. Чтеніе Ефр., Гаевск., Герб. Мор. и Венг.

У Огар., Як. и вар. Ефр.: «... дѣвическую скуку».

Стихъ 354. Во II сп. Гаев.: «отъ милыхъ устъ»

Стихъ 356. Чтеніе Ефр., Гаевск., Мор. и Огар.

У Герб., Венг. и Як.: — «Простишь ли ты...»

Стихъ 357. Чтеніе вар. Ефремова. Въ основн. текстѣ Ефр., у Гаевск. и у Огар. — «... лукавый врагъ Маріи» (стихъ безъ рифмы).

Стихъ 358. Чтеніе Гаевск. и вар. Огар.

Основн. текстъ Огар., у Венг. и вар. Ефр.:

«Ты есть и былъ...»

У Ефр. первонач. — «Ты былъ, вновь сталъ...»

Кромѣ того у Ефр. неразб. вариантъ:

«Ты былъ и здѣсь...» (?)

Всѣ эти чтенія сомнительны. Стихъ, вѣроятно, испорченъ.

Стихъ 359. У Огар. «Ахъ и ея тебѣ приятенъ былъ развратъ»
(6 стоп.)

У Гаевск.: «Ахъ и тебѣ приятенъ былъ развратъ».

Стихъ 361. У Ефр. «Всевышняго подругу...» У Гаевск. I сп. «... развратить».

Стихъ 365. У Ефр. перв. и Гаевск. I сп.: «Вотъ меркнетъ день...»

Стихъ 366. Въ I сп. Гаевск. «... угасъ»

Стихъ 367. Въ обоихъ изд. «Альціоны» безъ указ. источн. —

«Шутя парить...»

Стихъ 370. Чтеніе Ефр. и I сп. Гаевск.



Во II сп. Гаевск., у Огар. и Венг.: «лице себѣ закрыла».

Стихъ 371. У Ефр.: «Предъ нимъ возставъ...» (см. прим. къ 156 ст.).

Стихъ 372. Гербель, начиная съ этого стиха одинъ изъ отрывковъ, печатаетъ его:

И бѣсъ сказалъ: «Счастливецъ горделивый»,

Стихъ 377. Чтеніе Ефр., II сп. Гаевск. и Огар.

У Герб. и Венг. «нахмури взоръ...»

Въ изд. «Альціоны» «нахмурилъ взглядъ»
(безъ указанія источника):

Въ I сп. Гаевск. «нахмурилъ взглядъ»...

Стихъ 378. Чтеніе Ефр., Венг. и Герб.

У Огар. и Гаевск.: «На сей вопросъ...»

Въ обоихъ изд. «Альціоны» съ невѣрной ссылкой на Венг.

«Такъ на вопросъ...»

Стихъ 379. Чтеніе Ефр., Герб. и II сп. Гаевск.

У Огарева — «Сказалъ: «Безумный врагъ...» (6 стоп.)

У Гаевск. I спис. Вскричалъ: «Безумный врагъ...» (тоже).

У Венг. «Проклятый врагъ...»

Стихъ 380. У Венг.: «... измѣнникъ безнадежный»

Стихъ 383. У Венг.: «Бѣги сейчасъ, измѣнникъ...»

Стихъ 385. У Огар. указанъ варьянтъ: — «Не трепеталъ отъ важныхъ я придворныхъ».

Стихъ 387. У Венг. и Герб. — «Радѣтелей (небеснаго царя)».

Слова, заключенныя въ скобки замѣнены у Венг. точками.

Стихъ 390. У Герб. «Противника ударилъ прямо въ зубы».

Стихъ 395. У Ефр. «... Бѣсъ охнулъ, поблѣднѣлъ»

Стихъ 396. Чтеніе Ефр.

У Венг. Гербеля. и Гаевск. — «И бросились...»

У Огарева и вар. Ефр. — «И ворвались...»

Стихъ 398. Чтеніе Герб.

У Ефр. перв. «... идутъ, кружась по лугу»

Вар. Ефр., Гаевск., Огар., Венг., Як. и Мор. —

«... крутятся, идутъ по лугу».



Стихъ 399. У Ефр. первон. — «... упершись бородой».

Стихъ 405. Чтеніе Ефр., Герб. Венг., Мор.,

У Огар., Як. и Гаевск. — «играли мы на волѣ».

Стихи 403—6. Этимъ 4-мъ стихамъ соотвѣтствуетъ отрывокъ, сообщенный Комовскимъ Гроту и полученный имъ черезъ Алексѣева:

Вы помните ль то розовое поле,
Друзья мои, гдѣ красною весной
Оставя классъ, рѣзвились мы на волѣ
И тѣшились отважною борьбой?
Графъ Брольо былъ отважнѣе, сильнѣе,
Комовскій же — проворнѣе, хитрѣе;
Не скоро могъ рѣшиться жаркій бой.
Гдѣ вы, лѣта забавы молодой?

Подъ копіей стиховъ — помѣтка Комовскаго: «Стихи эти доставлены мнѣ отъ служившаго при генералѣ Инзовѣ штабъ-офицера Алексѣева, на квартирѣ котораго жилъ (одно время) нашъ поэтъ во время ссылки на югъ».

Стихъ 412. У Герб. и во II сп. Гаевск. —

«... крылатый сбилъ шоломъ».

Стихъ 413. Въ I сп. Гаевск. — «Шоломъ златой...»

Стихъ 414. У Венг. — «... за нѣжные власы»

Во II сп. Гаевск. — «... за тяжкіе власы».

Стихъ 417. У Венг. Герб. и Гаевск. — «... нѣжныя красы».

Стихъ 419. Чтеніе Герб., Венг., Огар. и вар. Ефр.

У Ефр. первон. — «ужъ онъ восторгомъ блещеть»

У Гаевск. I спис. — «ужъ адъ восторгомъ плещеть»

У Гаевск. II спис. — «ужъ адъ съ восторгомъ плещеть».

Стихъ 420. У Герб. и Венг. — «Но къ счастью...»

Стихъ 421. Чтеніе Ефр., Герб. и Венг.

У Гаевск. «Вонзился вдругъ...»

У Огар. «Вцѣпился вдругъ...»



Стихъ 422. У Огар. въ текстѣ (вариантъ невѣроятный) —
«почти во всякомъ богѣ»

Въ примѣчаніи какъ вар. указано и общее съ др. списками
чтеніе.

Стихъ 423. У Герб. и Гаевск. — «... которымъ тотъ грѣшилъ».

Стихъ 424. Въ I сп. Гаевск. и перв. у Ефр. —

«Лукавый пале!»

Стихъ 425. Во II сп. Гаевск. — «И въ темный лѣсъ...»

Стихъ 427. Чтеніе Ефр., Герб. и Гаевск.

У Огар., Венг. и вар. Ефр. — «Красавица смотрѣла...»

Стихъ 431. У Герб. и «...наполнялась душа».

Стихъ 432. Чтеніе Ефр. и Гаевск.

У Огар., Венг. и вар. Ефр.: — «О, какъ была...»

Стихъ 433. Чтеніе Ефр. и Гаевск.

У Огар., Венг. и вар. Ефр. — «Посоль пылалъ...»

Стихъ 434. У Ефр. вар.: «Такъ объяснялъ...» У Венг.: «изъ-
яснилъ».

Стихъ 435. У Ефр. первон. — «Возрадуйся...»

Стихъ 442. У Ефр. первон. — «... Ей руку тихо жалъ»

У Гаевск. I сп. «... ей руку крѣпче жалъ».

У Гаевск. II сп. «... ей страстно руку жалъ».

Стихъ 446. У Ефр. первон. «Ея груди...»

Во II сп. Гаевск. «Къ грудямъ ея...»

Стихъ 456. Чтеніе Ефр., Герб., II сп. Гаевск., Венг. и Як.

У Мор. — «... прекраснаго грѣха»

У Огар., вар. Ефр. и I сп. Гаевск. — «... прошедшаго грѣха».

Стихъ 457. У Мор. — «Невинности набрасывать узоры»

Стихъ 460. Чтеніе Ефр., Гаевск. Огарева.

У Мор., Як. и Венг. —

«И мнимыхъ слезъ...»

Кромѣ того у Ефр. первонач. —

«... и съ радостью притворной». Во II сп. Гаевск.

этого стиха нѣтъ.

Стихъ 462. У Гаевск. и Герб. — «А по утру...»

У Венг. — «Но по утру...»



Стихъ 463. У Ефр. — «Блѣдна встаетъ...»

Стихъ 474. У Венг. — «... какъ древле Богъ Гомера».

Стихъ 475. Чтеніе Ефр. и Гаевск. II сп.

Вар. Ефр., I сп. Гаевск., Огар. и Венг. —

«... безчинныхъ онъ дѣтей».

Стихъ 477. Чтеніе I сп. Гаевск. Огар. и Венг.

У Ефр. «... погибла вѣра».

Во II сп. Гаевск. — «... погасла вѣра».

Кромѣ того в I сп. Гаевск.: «Но въ Греціи...»

Стихъ 484. У Венг. — «Его любви готовить...»

У Огар., вар. Ефр. и I сп. Гаевск. —

«новый даръ».

Стихъ 488. У Венг. — «... дивится красотѣ».

Стихъ 489. У Венг. — «И между тѣмъ...»

Стихъ 492. Въ I сп. Гаев.: «Смѣется врагъ лукавый Сатана».

Стихъ 495. Чтеніе Ефр. и Гаевск.

У Огар. «Надъ ней порхаеть и кружить» (4 ст.)

В изд. «Альціоны» по списку собр. А. О.:

«Надъ ней кругомъ порхаеть и кружить».

У Венг. этотъ стихъ пропущенъ,

Стихъ 497. У Ефр.: — «... въ колѣни юной дѣвы»

Стихъ 498. Во II сп. Гаевск. — «Надъ ризою...»

Стихъ 499. Въ I сп. Гаев.: «... колышется...»

Стихъ 500. У Ефр. — «И носикомъ и ножками...»

Стихъ 504. У Гаевск. — «... молитвы начала».

Стихъ 505. У Гаевск. — «Заплакала. А голубь...»

Стихъ 508. Во II сп. Гаев.: «... своимъ крыломъ...»

Стихъ 513. У Ефр. первон. — «Досталася...»

Стихъ 515. Чтеніе Ефр. и I сп. Гаевск.

У Огар. и II сп. Гаевск. —

«Всевышній Богъ...»

Стихъ 519. У Ефр. первонач. — «А между тѣмъ Іосифъ былъ утѣшенъ»



Стихъ 527. У Венг. и Як.: «... внимательное пѣнье».

Стихъ 528. У Як. этотъ стихъ пропущенъ.

Стихъ 529. У Герб.: — «еретикомъ любви»

Стихъ 530. Чтеніе Гаевск., Герб., Мор., Венг., вар. Ефр.

У Ефр. осн. текстъ —

«Фопарнаго безумный обожатель».

У Огар., Як., вар. Ефр. —

«Младыхъ б . . . й безумный обожатель»

Стихъ 536. У Гаевск. (II спис.: въ первомъ эти стихи обрѣзаны): — «Подвластна ей съ тѣхъ поръ...»

Стихъ 539. Чтеніе Герб., Як., Венг. (также въ Ефремовск. изд. соч. Пушкина 1882 г.)

У Огар. и Ефр. — «Въ ея душѣ...»

У Гаевск. (II спис.) — «Возжги въ ея груди...»

Стихъ 541. Чтеніе Ефр., Герб., I сп. Гаевск., Венг. и Мор.

У Огар., Як., II сп. Гаевск, вар. Ефр. —

«Но дни текутъ, а время...»

Стихъ 542. Чтеніе Ефр. и I сп. Гаевск. Въ др. спискахъ —

«... посеребрить»

Стихъ 545. Чтеніе Ефр.

У Огар., Венг. и Як., вар. Ефр. —

«И я тогда, Іосифъ утѣшитель»

У Гаевск. въ I спискѣ:

«О праведникъ, Іосифъ утѣшитель»

У Гаевск. во II спискѣ:

«Молю тебя, Іосифъ утѣшитель».

Очевидно стихъ испорченъ въ раннихъ спискахъ. Чтеніе Ефр. наиболѣе вѣроятно, какъ выдерживающее единство обращенія къ Гавріилу, и согласующее его роль утѣшителя Іосифа съ данными Евангелія.



Стихъ 546. У Огар.: «...козѣно преклона».

Стихъ 549. Чтеніе Ефр., Гаевск., I сп., Венг., Герб.

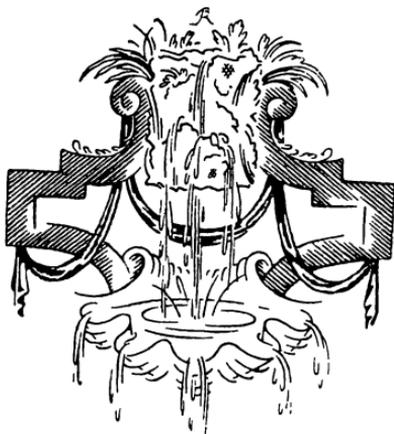
У Мор. — «... безпечность и терпѣнье»

У Огар., Як., II сп. Гаевск.: «... безпечность и смиренье».

Стихъ 550. Чтеніе Ефр., I сп. Гаевск., Герб., Мор. и Венг.

У Огар., Як. и II спис. Гаевск. —

«Даруй ты мнѣ терпѣнье вновь и вновь».



ИСТОРИЯ

Въ 1821 году 23 марта Пушкинъ писалъ Дельвигу: «кончилъ я новую поэму — Кавказскій Плънникъ, которую надъюсю скоро вамъ прислать, — ты ею не совсѣмъ будешь доволенъ; и будешь правъ. Еще скажу, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы — но что теперь ничего не пишу — ». Вскорѣ это насыщенное эпическое настроеніе Пушкина, неудовлетворенное первымъ опытомъ байронической поэмы, проявилось въ дѣломъ рядѣ эпическихъ замысловъ и осуществленій. Слѣдуютъ другъ за другомъ «Братья Разбойники», «Вадимъ», «Бахчисарайскій Фонтанъ», «Цыганы», и начинается вырисовываться планъ «Евгенія Онѣгина».

Но черезъ два дня послѣ написанія письма къ Дельвигу наступило Благовѣщеніе. Затѣмъ прошумѣла на весь Кишиневъ смерть митрополита Гавріила, наступила Страстная недѣля (3 — 9 апрѣля) съ насильственнымъ говніемъ, и всѣ эти церковныя событія вызывали въ умѣ Пушкина реакцію — кощунственное настроеніе. Онъ пишетъ:

Митрополить, сѣдой обжора
Передъ обѣдомъ, невзначай,
Велѣлъ жить долго всей Россіи
И съ сыномъ птички и Маріи
Пошелъ христосоваться въ рай.¹⁾

¹⁾ Стихи эти въ подлинной рукописи замазаны Анненковымъ, который однако сохранилъ копію съ нихъ. Съ копіи Анненкова списалъ ихъ Ефремовъ, по рукописи котораго и даемъ чтеніе. Въ



Въ этихъ стихахъ возможна реминисценція изъ Парни, который комически конкретизируя католическую символику (Святой Духъ — голубь, Иисусъ Христосъ — агнецъ) писалъ:

Auriez-vous cru, messieurs, que d'un pigeon
Il put jamais resulter un mouton?

Въ черновикахъ цитируемаго стихотворенія имѣются и прямыя указанія на Парни, а именно въ поправкахъ стиха — «Я промѣнялъ Вольтера бредни» — видна попытка замѣнить имя Вольтера именемъ Парни.

Эта же тема проходитъ въ стихотвореніи неизвѣстнаго года ¹⁾:

Ты Богоматерь, нѣтъ сомнѣнья,
Не та, которая красой
Плѣнила только Духъ Святой:
Мила ты всѣмъ безъ исключенья,
Не та, которая Христа
Родила, не спросясь супруга, и т. д.

Это кощунственное настроеніе, при соответственной жадѣ эпического творчества выливается въ планъ поэмы. Среди набросковъ стиховъ Чаадаеву 6 апрѣля 1821 г. читаемъ: «Святой Духъ призвавъ Гавріила открываетъ ему свою любовь и производитъ въ сводники (Гавріиль влюбленъ). Сатана и Марія».

бумагахъ Морозова сохранилось тождественное чтеніе, очевидно, восходящее къ тому же источнику. Въ послѣднемъ изд. соч. Пушкина подъ редакціей Брюсова предпослѣдняго стиха нѣтъ.

1) Стихотвореніе это безъ всякихъ основаній датируется 1827 г. и относится почему-то къ Хованской. Нахожденіе его чистового списка въ тетради Рум. Муз. № 2367, гдѣ безъ особаго порядка переписаны стихи разныхъ годовъ, въ томъ числѣ и 1821 («Христосъ Воскресъ, моя Ревекка»), не даетъ никакихъ основаній къ датировкѣ. Возможно, что и отнесеніе его къ Хованской — чья-нибудь досужая выдумка.



Понятно, это не «планъ Гавріілады», какъ принято говорить, а весьма точное содержаніе нѣсколькихъ стиховъ изъ этой поэмы.

Потомъ, призвавъ любимца Гаврііла,
Свою любовь онъ прозой объяснялъ (ст. 132 — 133)

И славы сынъ, намѣренья сокрывъ,
Сталъ нехотя услужливый угодникъ
Царю небесъ... а по земному сводникъ.
Но старый врагъ, не дремлетъ Сатана... (ст. 145—148).

Ясно, что первые слова наброска излагаютъ въ точныхъ выраженіяхъ содержаніе 15 стиховъ «Гавріілады», а послѣднія слова въ самой общей формулировкѣ предуказываютъ примыкающей къ этимъ стихамъ эпизодъ, развитый на протяженіи 120 стиховъ. Такая форма замѣтки, — содержаніе нѣсколькихъ стиховъ съ композиціоннымъ намекомъ на дальнѣйшее, — заставляетъ видѣть здѣсь не программу поэмы, не схему эпического замысла, а рабочую памятную записку, относящуюся къ самому процессу писанія поэмы въ моментъ перерыва, съ указаніемъ на ближайшее продолженіе уже написаннаго, на форму перехода отъ написаннаго къ слѣдующему эпическому эпизоду. Слѣдуетъ думать, что къ 6-му апрѣля хотя-бы вечернѣ 131 стихъ «Гавріілады», т. е. четверть поэмы уже были написаны. Вѣроятно и вся поэма вскорѣ была окончена.

Во всякомъ случаѣ въ апрѣль-майскихъ черновикахъ мы читаемъ приблизительно слѣдующее:

(Прими въ залогъ воспоминанья)

(Мои завѣтные стихи)

(потаенною)

(завѣтною) *

(И) подъ печатью

(опасные)

Прими (завѣтные) стихи. —

(Люби) (встрѣчай).

(н е р а з б). (творилъ досугъ) (непо) (?)

(Укра) (Вотъ муза) (добрая Душа) (?)



испугайся (мой) (мой)
Не (удивляйся) милый (другъ) *
Ея израильскому платя —
Прости прежние
(Прости) ей (новые) грѣхи
рѣзвая
Вотъ Муза, (та) (прежняя моя) болтуня
Которую ты столь любилъ
р моя
(Она разкаялась) шалуныя (Она небесной благодатью)
(я) осѣнилъ
Придворный тонъ (В) Ее Всевышній (освятилъ)
(Престижъ двора) ее плѣнилъ; Своей небесной благодатью
(благо) (И) Она (смир)
н е р а з б. занятю
(Не) (опредѣлилъ)
(Про) (она) (свой трудъ)
Опасной
(Преступной) жертвуетъ игрой ¹⁾.

¹⁾ Этотъ черновой набросокъ печатается обычно невѣрно. Такъ, редакторы сохраняютъ, напр., зачеркнутое чтеніе — «она разкаялась, шалуныя», хотя Пушкинымъ вполне ясно этотъ стихъ передѣланъ — «Разкаялась моя шалуныя». Компануются эти стихи произвольно. Даю здѣсь только транскрипцію, предоставляя самому читателю извлекать изъ этого черновика отдѣльные стихи. Могу лишь высказать предположеніе, что стихи записывались какъ бы въ обратномъ порядкѣ: написавъ два стиха — конецъ четверостишія, Пушкинъ къ нимъ подписываетъ стихи, которыми могъ бы начать. Первый стихъ этого начала («Вотъ муза добрая душа») зачеркивается, — и вмѣсто него Пушкинъ пишетъ наново — «Вотъ муза, рѣзвая болтуныя», но этотъ стихъ влечетъ за собой еще 6 стиховъ, которые, слѣдовательно, и являются начальными стихами стихотворенія. Къ сожалѣнію въ черновикѣ эти разрозненные части не согласованы между собой.



Стихи этого чернового наброска носят характер посвященія «Гавриилиады». Ефремовъ видѣлъ здѣсь посвященіе Алексѣеву, что очень похоже на истину.

Точно также, непосредственно за эпилогомъ «Кавказскаго Пѣвника» 15 мая 1821 г. читаемъ слѣдующее:

Примите новую тетрадь
Вы юноши (Друзья стиховъ) ивы дѣвицы
(Красавицы, мои Царицы)—
Веселѣе- (ль) (ли)
Не (правда ль легче) вамъ читать
Игривой (мой) Музы (были)
(Мои) (простые) ¹⁾ небылицы
Чемъ пиндарическихъ похвалъ
Высокопарныя
(Непостижимыя) страницы
(ежемѣсячный)
Шль (усыпительный) * журналъ
вѣкъ не зная цѣли
Который (былъ когда-то въ модѣ)
Усердно
(А нынче) такъ тяжелъ и грубъ
И ровно кожды(хъ) двѣ недѣли
(Который) (вопреки природѣ)
Быть хочеть золь и только глупъ

Парнаса тайныя —	О вы которые любили
(Парнасскія)	(Мои неяркія) весеннія (?) дѣвѣты
(Дѣвѣты) (Мои)	(Музы вѣтреной) (дѣвѣты)
(И грѣшной) (И важной) (И грѣшной) младости	
И свое вольной (мой)	Вниманьемъ, (лаской) (ободрили) наградили
	слабымъ подѣ сѣбною

¹⁾ Исправлено въ «пустые».



Спасите трудъ небрежный мой
Отъ рукъ невѣжества слѣнова
Отъ взоровъ зависти косою

картины —
Разказы (думы) * (вымыслы) и (были) раз
сказы

Для васъ (опять) перемѣшалъ
я вновь (мои проказы)

Смѣшное съ важнымъ сосчиталъ

И (вѣтр) (новыя) бѣш

любви проказы—

а

(ея) ад(скихъ)

Въ Архивахъ отыскалъ — — ¹⁾

По мнѣнію, высказанному Н. О. Лернеромъ и раздѣляемому позднѣйшими комментаторами, и эти стихи говорятъ о «Гавріиліадѣ». Правда, среди набросковъ той же 2365-ой тетради имѣется нѣсколько черновыхъ стиховъ, которые принято считать черновиками какой-то адской «поэмы». Но эти 5—6 стиховъ еще не свидѣтельствуютъ о большомъ эпическомъ замыслѣ (другіе наброски, которые Анненковъ сближалъ съ этими, относятся къ 1825 году) и по видимому являются развитіемъ нѣсколькихъ строкъ изъ «Pucelle».

..Un jour Satan, seigneur du sombre empire
A ses vassaux donnait un grand'régal.
Il était fête au manoir infernal... (ch. V.)

¹⁾ Ср. начальные стихи
«Galanteries de la Bible:»
Approchez, chrétiennes jolies.
De la génèse les versets
Valent bien d'un roman Anglais
L'horreur et les tristes folies...

Въ томъ же тонѣ выдержано
посвященіе «Руслана и Людъ-
милы»:
Для васъ, души моей царицы,
Красавицы, для васъ однихъ...
(изд. 1820 г)



Во всякомъ случаѣ — то, что основные наброски, описывающіе адскій балъ, написаны только въ 1825 г., заставляютъ насъ предполагать, что если даже эти нѣсколько строкъ 1821 г. и являются слѣдомъ какого-то эпического замысла, то онъ не получилъ сколько-нибудь значительнаго развитія въ этомъ году и не могъ вызвать спеціальныхъ стихотворныхъ посвященій. О существованіи иныхъ замысловъ, гдѣ бы сплетались «адскіе» рассказы съ «игривыми» и «тайными» двѣтами поэзіи, съ «бѣшенными проказами любви», замысловъ, гдѣ бы присутствовалъ «израильскій» элементъ, «придворный тонъ» и «небесная благодать», заключенные въ «опасные стихи» «подъ завѣтною печатью» — такихъ замысловъ у Пушкина мы не знаемъ, и не имѣемъ основанія предполагать. «Гавріиліада» — произведеніе достаточно обширное, чтобы привлечь все кощунственное настроеніе Пушкина къ себѣ.

Посвященія эти свидѣтельствуютъ, что ко времени написанія ихъ поэма была уже окончена. Объ этомъ свидѣтельствуетъ также и письмо Пушкина Тургеневу, гдѣ онъ пишетъ: «Въ рудѣ твои предаюся, Отче, вы, который сближены съ жителями Каменнаго Острова, не можете ли вы меня вытребовать на нѣсколько дней (однако не болѣе) съ моего острова Паѣмоса? Я привезу вамъ зато сочиненіе во вкусѣ Апокалипсиса и посвящу вамъ христіолубивому пастырю поэтического нашего стада... Кишиневъ 7 мая 1821 г.»

Очевидно около этой даты и была закончена «Гавріиліада». Анненковъ въ своихъ черновыхъ, неопубликованныхъ замѣткахъ относилъ ее также къ 1821 г., но основывался исключительно на положеніи въ рукописи «плана» «Гавріиліады». Въ своей книгѣ «Пушкинъ въ Александровскую эпоху» онъ намѣчаетъ эту дату очень глухо: «Итакъ — съ рокового 1821 года начинается короткая полоса Пушкинскаго кощунства и крайняго отрицанія, о которомъ принято у насъ умалчивать». Во всякомъ случаѣ въ воспоминаніяхъ современниковъ, ему извѣстныхъ, не было опредѣленныхъ указаній, которые противорѣчили бы такой датировкѣ. Бартеневъ, писавшій на основаніи этихъ же воспоминаній, говоритъ: «Къ 1822 году слѣдуетъ отнести и ту рукописную поэму, въ сочиненіи которой Пушкинъ потомъ такъ горько раскаивался». Но осторожность утвержденія Бартенева показываетъ, что указанія современниковъ



не были особенно точны. Впоследствии Ефремовъ и Морозовъ вслѣдъ за Гербелемъ отнесли «Гавриіаду» къ 1823 г., илишь опубликованіе неоспоримыхъ документовъ, датированныхъ концомъ 1822 г., заставили отодвинуть дату нагодъ назадъ, т. е. къ указанному Бартеновымъ 1822 г. Анализъ рукописей внесъ еще поправку—традиціонный 1822 г. еще фигурируетъ, но съ оговоркой, что поэма пачата въ 1821 г. ¹⁾ Въ концѣ концовъ слѣдуетъ признаться, что въ пользу 1822 г. нѣтъ никакихъ данныхъ и «Гавриіаду» на основаніи того, что мы знаемъ, слѣдуетъ отнести къ апрѣлю и маю 1821 г.: врядъ ли Пушкинъ полтора года потратилъ на ея написаніе. Съ такой датировкой согласуется и предположеніе М. А. Цявловскаго, что упоминаемая въ послѣднихъ стихахъ «Гавриіады» «Елена» есть Елена Раевская. Несерьезность тона, въ какомъ пишетъ о ней Пушкинъ, свидѣтельствуетъ о свѣжести воспоминанія о встрѣчѣ съ нею. Видѣлъ же онъ ее въ февралѣ и юнѣ 1821 г. Возможно, что заключеніе «Гавриіады» относится именно къ июлю 1821 г., когда Раевскій съ семьей пріѣзжалъ въ Кишиневъ и останавливался тамъ у М. Ѳ. Орлова.

Вѣроятно, съ этого времени началось и распространеніе поэмы въ спискахъ: то, что Бартеновъ указываетъ довольно близкую къ ея созданію дату, показываетъ, что еще во время пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ она сдѣлалась извѣстной довольно обширному кругу лицъ. Объ нѣкоторыхъ авторскихъ спискахъ мы можемъ догадываться. Вѣроятно, былъ такой списокъ у Алексѣева. Вельтманъ свидѣтельствуетъ: «Вѣроятно, никто не имѣетъ такого полнаго сборника всѣхъ сочиненій Пушкина, какъ Алексѣевъ. Разумѣется, многія не могутъ быть изданы по отношеніямъ» (Л. Майковъ, «Пушкинъ» стр. 125).

Съ Алексѣевымъ эта поэма довольно тѣсно связана. Если вспомнить, что въ Кишиневѣ Николай Степановичъ Алексѣевъ былъ самымъ интимнымъ и едва ли не единственнымъ интимнымъ

1) Наброски «посвященій Гавриіады» всѣми издателями относятся къ 1821 г. Впрочемъ В. Брюсовъ въ послѣднемъ изданіи отнесъ ихъ къ 1822 г., очевидно, исходя изъ предполагаемой датировки самой поэмы.



другомъ Пушкина, то не трудно себѣ представить, что Пушкинъ дѣлился съ нимъ замыслами, особенно въ «завѣтномъ» жанрѣ «Гавриіады» ¹⁾. Поэма начинается съ обращенія къ какой-то «Еврейкѣ». Прозвище это неоднократно встрѣчается въ перепискѣ Пушкина съ Алексѣевымъ и въ черновикахъ посланія Алексѣеву

Люби, ласкай свои желанья,
Надеждѣ и Еврейкѣ вѣрь...

Очевидно обозначало оно опредѣленное лицо, близкое Алексѣеву — вѣроятно молодую гречанку, жену одного изъ Кишиневскихъ чиновниковъ, г-жу Эйхфельдтъ.

Въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ списковъ «Гавриіады» (50-ыхъ годовъ) противъ стиховъ:

Такъ иногда супругу генерала
Затянутый плѣняетъ адъютантъ

стоитъ примѣчаніе — «Алексѣевъ», возможно, восходящее къ авторскому списку. Возможно, что и супругой генерала прописки именуется та же Эйхфельдтъ, жена статскаго совѣтника. Кстати и въ дальнѣйшемъ упоминаніи «педанта» можно видѣть намекъ на кишиневскихъ знакомыхъ, среди которыхъ, судя по воспоминаніямъ Горчакова («Москвитянинъ» 1850 г.) было одно лицо, къ которому этотъ эпитетъ охотно примѣнялся. Понятно — не слѣдуетъ біографически истолковывать каждую строчку Пушкина, но нельзя отрицать, что весьма часто матеріаломъ для его творчества служили встрѣчи и событія въ окружавшемъ его обществѣ.

Далеко не апокрифично сообщеніе С. Д. Комовскаго, что онъ изъ рукъ Алексѣева получилъ слѣдующіе стихи:

Вы помните ль то розовое поле,
Друзья мои, гдѣ красною весной
Оставя классъ, рѣзвились мы на волѣ,
И тѣшились отважною борьбой?

¹⁾ Слѣды участія Алексѣева въ обсужденіи поэтическихъ замысловъ Пушкина сохранились въ черновыхъ рукописяхъ Пушкина. Напр., въ наброскахъ къ «Евгенію Онѣгину» (вѣрнѣе къ «Тавридѣ») къ слову «Цирдей» приписка — «замѣчанія Алексѣева».



Графъ Брольо былъ отважнѣе, сильнѣе;
Комовскій же проворнѣе, хитрѣе;
Не скоро могъ рѣшиться жаркій бой —
Гдѣ вы, дѣта забавы молодой! ¹⁾

Наконецъ, дошедшія до насъ письма Алексѣева отъ 20 марта 1827 г. и 14 января 1831 г. содержатъ въ себѣ цитаты изъ «Гавриіады» (См. «Труды и Дни Пушкина» Лернера).

Совокупность этихъ данныхъ заставляетъ предполагать, что въ бумагахъ Алексѣева находился недошедшій до насъ списокъ «Гавриіады», и вѣроятно, что въ первоначальной формѣ поэма была ему посвящена.

¹⁾ Воспроизвожу эти стихи по копіи А. А. Журавлева, снятой имъ съ бумагъ С. Д. Комовскаго, его тестя.

Комовскій снабдилъ копію этого стихотворенія помѣтой: «Стихи эти доставлены мнѣ отъ служившаго при генералѣ Инзовѣ штабъ-офицера Алексѣева, на квартирѣ коего жилъ (одно время) пашъ поэтъ во время ссылки на югъ».

Я. К. Гротъ ошибочно увидѣлъ здѣсь строфу стихотворенія «19 октября 1825 г.» На этомъ основаніи Ефремовъ уличалъ Комовскаго въ подлогъ и интерполяціи въ стихи «Гавриіады» именъ Брольо и Комовскаго. Ефремовъ почему-то считалъ, что «графъ Брольо» замѣняетъ имя «Архангель», а «Комовскій» — «Лукавый», но контекстомъ это не оправдывается. Несмотря на отрицательные доводы Ефремова и Гастфрейнда, можно согласиться съ К. Я. Гротомъ и видѣть здѣсь варьянтъ стиховъ «Гавриіады», по понятнымъ причинамъ удаленный изъ поэмы, и сохранившійся въ копіи Алексѣева. Впрочемъ, и Ефремовъ не отрицаетъ факта передачи стиховъ Алексѣевымъ Комовскому.

Въ существующихъ спискахъ это мѣсто «Гавриіады» читается:

Не правда ли, вы помпите то поле,
Друзья мои, гдѣ въ прежни дни весной
Оставя классъ, мы бѣгали на волѣ
И тѣшились отважною борьбой.



О другомъ авторскомъ спискѣ имѣются прямыя указанія. Въ 1822 году 1 сентября Пушкинъ пишетъ кн. Вяземскому; «Пошлю тебѣ поэму въ мистическомъ родѣ — я сталъ придворнымъ». Поэма очевидно была послана съ оказіей, отдѣльно отъ письма ¹⁾. До Вяземскаго поэма дошла, вѣроятно, только въ декабрѣ, послѣ 7-го, такъ какъ въ оживленной перепискѣ своей съ Тургеневымъ онъ пишетъ о ней только 10 декабря: «Пушкинъ прислалъ мнѣ одну свою прекрасную шалость» — за этимъ слѣдуетъ выписка изъ «Гавриліады» въ 19 стиховъ (13 — 18 и 27 — 39).

Впослѣдствіи Вяземскій писалъ на экземплярѣ Гербелевскаго сборника стиховъ Пушкина, гдѣ приведено около 200 стиховъ изъ «Гавриліады»: «У меня долженъ быть въ старыхъ бумагахъ полный собственноручный списокъ Гавриліады, имѣ мнѣ присланный» ²⁾. По свидѣтельству Ефремова, на основаніи словъ сына Вяземскаго этотъ списокъ не уничтожался и не уходилъ изъ Остафьевскаго архива. Возможно, что онъ хранится тамъ и понынѣ.

Нѣсколько удивляетъ такая поздняя посылка «Гавриліады» Вяземскому: почти черезъ 1½ года по написаніи. Фактъ этой посылки въ концѣ 1822 г. и служилъ главнымъ основаніемъ датировки «Гавриліады». Однако нѣтъ ничего удивительнаго, ни исключительнаго въ отношеніяхъ Пушкина съ Вяземскимъ въ такомъ запозданіи. Возможно, что за это время и не представлялось вѣрной оказіи для доставки Вяземскому такой опасной рукописи. Даже болѣе невинные стихи, писанные тоже въ апрѣлѣ 1821 г. («Христосъ Воскресъ, моя Ревекка» и др.) были присланы Вяземскому въ концѣ 1822 или началѣ 1823 г. (см. «Переписка», изд. Академіи т. I, № 44). Датировка какъ стиховъ, такъ и письма, въ которомъ они пересылалась,

1) Не является ли «Гавриліада» тѣмъ «большимъ письмомъ отъ Пушкина» которое пересылалъ М. Θ. Орловъ Вяземскому изъ Кіева 9 ноября 1822 г. и содержаніе котораго ему было неизвѣстно?

2) Къ этому Вяземскій еще добавилъ: «Должно сжечь его, что и завѣщаю сдѣлать сыну моему».



безспорна ¹⁾. На то, что сношенія Пушкина съ Вяземскимъ за эти годы были затруднены, указываютъ и слова письма, въ которомъ онъ извѣщаетъ о посылкѣ «Гавріилиады»: «Почти три года имѣю про тебя только невѣрные извѣстія стороною!..»

Наконецъ считаютъ возможнымъ заключать о существованіи 3-яго авторскаго списка, будто-бы принадлежавшаго Бестужеву, на основаніи словъ Пушкина въ письмѣ Бестужеву отъ 13 іюня 1823 г., гдѣ, говоря о «Елисиѣ», онъ пишетъ: «Тебѣ, кажется, болѣе нравится благовѣщеніе». Въ «Благовѣщеніи» довольно единодушно признаютъ «Гавріилиаду». За отсутствіемъ лучшаго объясненія съ этимъ можно согласиться, — но пожалуй нѣтъ достаточныхъ основаній заключать отсюда, что Бестужевъ имѣлъ авторскую копию.

Во всякомъ случаѣ списки «Гавріилиады» вскорѣ вышли за тѣсныя предѣлы друзей поэта и проникли въ публику. Черезъ 5 лѣтъ жандармскій генералъ Ив. Петр. Бибиковъ доносилъ по начальству — Бенкендорфу — изъ Москвы: «Ces jeunes gens se trouvant seuls dans ces déserts, séparés pour ainsi dire de toute société pensants, privés de toute espérance au printemps de la vie, ils distillent le fiel de leur mécontentement dans leurs écrits, inondent l'Empire d'une foule des vers séditieux qui vont porter le flambeau de la révolte dans toutes les conditions et attaquer de l'arme dangereuse et perfide du ridicule la sainteté de la religion, — frein indispensable pour tous les peuples et particulièrement pour les Russes (voyez Гавриіада сочиненіе А. Пушкина)». Письмо датировано 8 марта 1826 г. Очевидно въ это время «Гавріилиада» за полнымъ именемъ автора была всѣмъ извѣстна. Однако Правительство не обратило вниманія на нее въ этомъ году и воспользовалось предложомъ для возбужденія дѣла только черезъ два года, когда дворовые люди шт.-кап. Митькова донесли по духовному начальству о наличіи списка этой поэмы у ихъ хозяина. По приказанію Николая I дѣло это было передано на разсмотрѣніе особой слѣдственной комиссіи, которая черезъ военнаго генералъ-губернатора дважды допрашивала Пушкина въ Авгу-

¹⁾ Вообще — датировать стихи по ихъ первому упоминанію въ перепискѣ — чрезвычайно опасно. Такъ ошиблись, напр., на 2 года въ датировкѣ «Вольности».



ствѣ 1828 г. Въ первый разъ на вопросѣ между 3-мъ и 5-мъ августа Пушкинъ рѣшительно отказался отъ авторства, сообщивъ, что списокъ поэмы не имѣеть, и показалъ: «въ первый разъ видѣлъ я Гавриліаду въ Лицеѣ въ 15-омъ или 16-омъ году и переписавъ не помню куда дѣлъ ее — но съ тѣхъ поръ не видалъ ея». По приказанію Николая I, лично руководившаго ходомъ слѣдствія, отъ Пушкина потребовали болѣе подробнаго показанія и 19-го августа онъ сообщилъ: «рукопись ходила между офицерами гусарскаго полку, но отъ кого изъ нихъ именно я досталъ оную, я никакъ не упомяну. Мой же списокъ съжегъ я, вѣроятно, въ 20-мъ году. Осмѣливаюсь прибавить, что ни въ одномъ изъ моихъ сочиненій, даже въ тѣхъ въ коихъ я особенно разкаиваюсь, нѣтъ слѣдовъ духа безвѣрія или кощунства надъ религіею. Тѣмъ прискорбнѣе для меня мнѣніе, приписывающее мнѣ произведеніе столь жалкое и постыдное».

Анненковъ въ бумагахъ Пушкина, среди черновиковъ «Полтавы», нашелъ набросокъ какого-то прошенія Пушкина по дѣлу о «Гавриліадѣ». Прекращеніе дѣла онъ объясняетъ, какъ результатъ этого прошенія. Однако въ дѣлѣ Митькова о такомъ прошеніи не упоминается. Приводимая же Анненковымъ фраза есть вариантъ показаній 19-го августа. Набросокъ этотъ сохранился въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2371, л. 21. На лицевой сторонѣ листка карандашный черновикъ показаній покрытъ чернильными набросками «Анчара», обильными помарками, рисунками и т. д. и съ трудомъ поддается прочтенію. Въ Якушкинскомъ описаніи рукописи эта часть черновика не упомянута. Прочестъ можно (отчасти по догадкѣ) только слѣдующее: «Рукопись ходила между... Гус. полку но я нынѣ совершенно (?) не запомню у кого именно я досталъ оную». Фраза эта почти буквально совпадаетъ съ первой фразой чистовыхъ показаній. Затѣмъ слѣдуетъ зачеркнутая фраза: «Относительно (?) ... ее приписываютъ мнѣ (?) ... это и ... съ к. Горч.». Далѣе отчетливо; «Списокъ [онъ] я съжегъ въ 20 году. [Но помню, что никому не давалъ его ¹⁾ (?)]. Осмѣливаюсь замѣтить что ни въ одномъ изъ моихъ сочиненій [нѣтъ] даже и въ тѣхъ, въ

¹⁾ Возможно, что здѣсь стоитъ не «его», а начало незаконченнаго слова папр. «сп(исывать)».



коихъ я раскаиваюсь, не видно ни направленія къ безвѣрїю ни кошунства надъ религіей — тѣмъ прискорбнѣе для меня мнѣніе приписывающее мнѣ въ [м] [нынѣшнемъ возрастѣ] настоящихъ лѣтахъ и обстоятельствахъ, произведеніе столь жалкое и постыдное».

Въ этомъ черновикѣ любопытна попытка упомянуть въ офиціальномъ показаніи имя Горчакова въ связи съ вопросомъ объ авторствѣ. Интересна ссылка на лѣта и обстоятельства, отсутствующая въ бѣловомъ показаніи ¹⁾.

Наличіе черновика показаній въ тетрадахъ Пушкина доказываетъ, что по условіямъ допроса онъ имѣлъ возможность готовиться къ показаніямъ, и очевидно тщательно обдумывалъ каждое слово своихъ отвѣтовъ.

Межъ тѣмъ показанія Пушкина не удовлетворили ни слѣдственную комиссію, ни Николая I. Пушкинъ чувствовалъ это и писалъ Вяземскому 1 сентября 1828 г.: «Мнѣ навязалась (одно слово здѣсь зачеркнуто) на шею преглупая шутка. До Прав. дошла наконецъ Гавриліада ²⁾; приписываютъ ее мнѣ; донесли на меня и я вѣроятно отвѣчу за чужія проказы, если Кн. Дм. Горчаковъ не явится съ того свѣта отстаивать права на свою собственность». Сбоку къ этому — приписка: «Это да будетъ между нами». Письмо было послано по почтѣ, и Пушкинъ, предполагая перлюстрацію, не могъ писать откровеннѣе. Вяземскій, судя по его позднѣйшему поведенію — принялъ это за указаніе, что слѣдуетъ пустить слухъ о принадлежности «Гавриліады» Горчакову. По крайней мѣрѣ есть извѣстія, что онъ фабриковалъ документы въ пользу такой версіи:

¹⁾ Позднѣе Пушкинъ писалъ по поводу приписывавшагося ему посланія Чаадаеву («Любви, надежды»...): «Однако въ мои лѣта и въ моемъ положеніи неприятно отвѣчать за чужія произведенія» (соч. Пушкина, изд. «Просвѣщенія», т. 6, стр. 630).

²⁾ Названіе поэмъ дважды встрѣчается въ рукописяхъ Пушкина. Оба раза онъ пишетъ «Г а в р і и л і а д а», согласно съ обычной этимологіей. Названіе «Гавриліада» есть очевидно искаженіе переписчиковъ, проникшее во всѣ списки. Если не ошибаюсь, правильно орфографировалъ названіе поэмъ только Б. В. Никольскій и Б. Л. Модзалевскій (корректировавшій «Переписку» Пушкина).



вѣроятно онъ причастенъ къ поддѣлкѣ «Святокъ» Горчакова и къ воспоминаніямъ Н. С. Селивановскаго, указывающихъ на Горчакова какъ на автора «Гавриліады». На письмо Пушкина онъ отвѣчалъ: «Сердечно жалѣю о твоихъ хлопотахъ по поводу Гавриіла; но надѣюсь, что послѣдствій худыхъ не будетъ и что Фонъ-Фокъ скажетъ Музѣ твоей: Стихоролица, дѣво радуйся, благословенна ты въ женахъ и прочее» (25-го сентября).

Между тѣмъ Николай предложилъ графу Толстому лично допросить Пушкина. «Г. Толстому призвать Пушкина къ себѣ и сказать ему моимъ именемъ, что зная лично Пушкина, я его слову вѣрю. Но желаю, чтобъ онъ помогъ Правительству открыть, кто могъ сочинить подобную мерзость и обидѣть Пушкина, выпуская оную подъ его именемъ». Приказаніе было исполнено 2-го октября, и Пушкинъ послѣ нѣкотораго размышленія просилъ разрѣшенія писать лично Государю. Толстой согласился — и Пушкинъ здѣсь же написалъ письмо и передалъ его Толстому въ запечатанномъ видѣ. По постановленію комиссіи 7-го октября письмо это нескрытымъ передано Николаю I. Государь отвѣтилъ Пушкину черезъ гр. Толстого 16-го октября ¹⁾. Письмо Пушкина и отвѣтъ Государя неизвѣстны, несмотря на поиски, произведенные по распоряженію имп. Николая II. Однако есть возможность судить о содержаніи письма Пушкина по конспекту Ю. Н. Бартенева, записывавшаго рассказы А. Н. Голицына: «Гавриліада Пушкина. Отпирательство Пушкина. Признаніе. Обращеніе съ нимъ Государя». Во всякомъ случаѣ письмо Пушкина вызвало характерную резолюцію Николая I: «Мнѣ это дѣло подробно извѣстно и совершенно кончено. 31 декабря 1828 г.». Очевидно, получивъ рѣшительное средство подчинить себѣ Пушкина, Николай I дипломатически использовалъ его, инсценировавъ рыцарское великодушіе.

Судя по разсказу А. С. Норова, относящемуся ко времени «года за два до женитьбы» Пушкина, онъ послѣ дѣла Митькова сталъ принимать мѣры къ уничтоженію списковъ «Гавриліады»: характерны

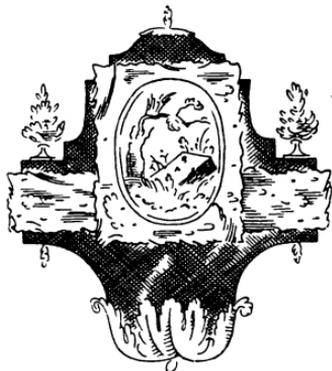
¹⁾ Объ этихъ датахъ говорятъ замѣтки Пушкина на наброскахъ «Полтавы». Смыслъ этихъ замѣтокъ разъяснилъ Н. О. Лерперъ въ «Книгѣ и Революціи» 1921 г., № 8—9.



передаваемые Норовымъ слова Пушкина Туманскому: «ты, восхищавшійся такой гадостью, какъ моя неизданная поэма, настоящий мой врагъ».

То же пишетъ Бартеневъ, ссылающійся на П. В. Нащокина, В. П. Горчакова, С. Д. Полторацкаго и др.: «Пушкинъ всячески истреблялъ ея списки, выпрашивалъ, отнималъ ихъ, и сердился, когда ему напоминали о ней». Во всякомъ случаѣ нѣтъ упоминаній о томъ, чтобы Пушкинъ когда-нибудь въ частной жизни, — не на допросѣ — отрицалъ свое авторство (см., напр., «Записки Смирновой», стр. 139. Понятно — есть опасность, что это мѣсто присочинено редакторомъ «Записокъ»).

До послѣднихъ лѣтъ никто не сомнѣвался въ принадлежности «Гавриліады» Пушкину. Только въ 1900-хъ годахъ Н. П. Барсуковъ высказалъ взглядъ, что показанія Пушкина правильны, и «Гавриліаду» написалъ Горчаковъ. Въ спорѣ, возникшемъ въ журнальной и газетной литературѣ приняли участіе Брюсовъ, Лернеръ и — придерживавшійся средней точки зрѣнія — Калашъ, къ статьямъ котораго и отсылаю желающихъ ознакомиться ближе съ версіей Горчаковскаго авторства (см. также примѣчанія Ефремова въ Суворинскомъ изд. Соч. Пушкина). Мнѣ кажется, приведенный здѣсь матерьялъ достаточно убѣдителенъ, чтобы не было нужды воскрешать забытый споръ.



СЮЖЕТЪ

Существуетъ мѣбнѣе, что Пушкинъ использовалъ готовый сюжетъ, заимствуя его изъ кощунственно-порнографическихъ поэмъ Ragny — «La Guerre des Dieux», «Le Paradis perdu» и «Galanteries de la Bible» (см. Бартеневъ «Пушкинъ въ Южной Россіи»). Проверка не подтверждаетъ этого. Ragny въ своихъ поэмахъ дважды возвращается къ сюжету «Благовѣщенія». Въ концѣ «Les Galanteries de la Bible» читаемъ:

Une seule par Dieu choisie,
Eut encore plus beau destin.
Ce Dieu qui l'a trouvée jolie.
Lui-même féconda son sein.
C'était la pieuse Marie.
Par la faute d'un vieil époux,
Faible apparemment et jaloux,
La pauvre de l'hyménée
Ne connaissait que les dégoûts;
Et sa jeunesse infortunée
Soupçonnait un destin plus doux.
Un jour que dans son oratoire
Elle méditait tristement
Un citoyen de firmament
Un ange rayonnant de gloire

S'offre à ses yeux subitement.
«Salut, ornement de la terre!
«Salut, ô reine des élus!
«Soit docile, tu seras mère,
«Et ton fils aura nom Jésus».
Sans retard la brune Marie
Obéit à l'ordre des cieus;
Et bientôt sa taille arrondie
Fâche le mari soupçonneux.
L'ange fait un second voyage;
Il menace au nom du Seigneur;
Et cet adroit ambassadeur
Remet la paix dans le ménage,
Il était temps: le lendemain
Panther, galant du voisinage,



Mourut à la fleur de son âge,
Emporté par un mal soudain.
On trouva dans son inventaire
L'explication du mystère:

Un beau vêtement azuré,
Cinq ou six ailes de réchange,
Des rayons de papier doré,
Enfin tout ce qui fait un ange...

Въ «La Guerre des Dieux», несмотря на фантастическое развитие сюжета, Ragny возвращается къ этой же реалистической версии, вывода на сцену Пантера. Версія эта заимствована у Voltaire'a, съ незначительными уклоненіями. Въ «Dictionnaire Philosophique» подъ словомъ «Messie» Voltaire, притворно нападая на авторовъ нѣкихъ книгъ «Sepher Toldos Jeschu», пишетъ: «Ainsi par exemple, ils ont osé écrire qu'un nommé Panther ou Pandara, habitant de Bethléem, était devenu amoureux d'une jeune femme mariée à Jokanam. Il eut de ce commerce impur un fils qui fut nommé Jesua ou Jesu. Le père de cet enfant fut obligé de s'enfuir, et se rétira à Babylone».

Voltaire и Ragny преслѣдовали вполне опредѣленные дѣли борьбы съ христіанскою церковью. Поэтому то Ragny, въ противорѣчій съ общимъ построеніемъ своей «Войны Боговъ», пародируетъ каноническую версию Благовѣщенія въ порядкѣ реалистическаго истолкованія, заимствуя его изъ Энциклопедіи. Въ такомъ же порядкѣ пародировали Библию и другіе писатели XVIII в., напр., Du Logens, который переработалъ библейскіе сюжеты въ довольно плоскіе, скабрзные и нарочито вульгарные анекдоты, объединенные въ сборникѣ подъ заглавіемъ «Agetin».

Не то у Пушкина, гдѣ фантастика сюжета усугублена вмѣшательствомъ Сатаны и другими подробностями и нѣтъ никакого поползновенія свести дѣло къ реальнымъ человѣческимъ отношеніямъ. Пушкинъ кощунствовалъ не для пропаганды антирелигіозныхъ идей. Вяземскій очень точно опредѣлилъ «Гаврііаду», какъ «шалость» — терминъ, имѣющій много общаго съ современнымъ моднымъ словомъ — «игра», которымъ покрывается вся художественная литература.

Источники Пушкина были иные. Каноническія Евангелія Матвѣя и Луки даютъ очень мало свѣдѣній объ обстоятельствахъ Благовѣщенія. Церковная традиція, сохранившаяся до насъ повѣсть о Маріи-Дѣвѣ и дѣтствѣ Ісуса Христа восходитъ не къ канониче-



скимъ, а къ апокрифическимъ евангеліямъ. Основнымъ источникомъ этихъ свѣдѣній являются Протоевангеліе Іакова и Псевдоевангеліе Матѳея. Апокрифы эти, обильные деталями, пользовались большимъ распространеніемъ. XVIII вѣкъ, пробудившій критическую мысль писателей, касавшихся вопросовъ религіи, побуждалъ обращаться къ неканоническимъ свидѣтельствамъ о евангельскихъ событіяхъ. Авторы этого вѣка постоянно цитируютъ апокрифы. Существовали эти апокрифы и въ старыхъ славянскихъ переводахъ. Наконецъ, показанія апокрифовъ воспроизводились въ обычныхъ «исторіяхъ Новаго Завѣта» церковнаго происхожденія.

Въ этихъ апокрифахъ обстоятельства Благовѣщенія изложены такъ (цитирую по «Книгѣ Дѣвы Маріи» Вега «Апокрифическія сказанія о Христѣ», II, второе изд., СПб. 1913 г.). Однажды, когда Маріи было шестнадцать лѣтъ (протоев. Іакова, гл. XII. Рагу въ «La Guerre des Dieux» относитъ это къ 18 году жизни Маріи), «взявъ кувшинъ, она пошла зачерпнуть воды и вотъ она услышала голосъ, который говорилъ: «Радуйся, Марія, благодатная, Господь съ тобою, благословена ты между женами» (прот. Іакова, гл. XI). Объ этомъ первомъ Благовѣщеніи молчатъ каноническія евангелія. Однако апокрифическое сказаніе настолько проникло въ традицію, что, напр., Давидъ въ своемъ «Хожденіи» описываетъ тотъ колодезь, у котораго Марія услышала благовѣствовавшей голосъ. На слѣдующій день «явился ей юноша, красоту котораго невозможно описать. Увидѣвъ его, Марія была охвачена страхомъ и стала дрожать, и онъ сказалъ ей: «не бойся ничего, Марія; ты обрѣла милость у Бога. Вотъ ты зачнешь и родишь Царя, царство котораго будетъ не только надъ всей землею, но и надъ небесами и будетъ царствовать во вѣки вѣковъ. Аминь» (псевд. Матѳея, гл. IX). «Наступилъ шестой мѣсяцъ ея беременности, и вотъ Іосифъ возвратился отъ своей работы плотника, и войдя въ домъ свой, онъ увидѣлъ, что Марія была беременна. И поникнувъ головой, онъ бросился на землю. и предался великому отчаянію, говоря: «Какъ оправдаюсь я передъ Богомъ? Какъ буду молиться за эту женщину? Я принялъ ее дѣвой изъ храма Господня, и я не сохранилъ ея. Кто тотъ, кто сотворилъ это злое дѣло въ домѣ моемъ и кто обольстилъ эту дѣвушку? Исторія Адама не повторилась ли со мной? Ибо въ



часъ славы его вошелъ змій, и нашелъ Еву одну и обманулъ ее; и воистину то же случилось со мною» (первоев. Іакова, гл. XIII).

И двѣицы, которыя были съ Маріей, сказали ему... «Ангель Господень каждый день бесѣдовалъ съ ней... Ибо, если ты хочешь, чтобы мы открыли тебѣ наши мысли, — никто не могъ сдѣлать ее беременной, развѣ ангель Господень» (псевдоевангеліе Матѳея, гл. X).

«Вотъ въ эту самую ночь ангель Господень явился къ нему во снѣ и сказалъ: «Іосифъ, сынъ Давидовъ, не бойся принять Марію женою своею, ибо то, что она носитъ въ себѣ — отъ Духа Святаго». (ibid., гл. XI; ср. протоев. Іакова, гл. XIX и апокрифическія евангелія).

Итакъ — сюжетные мотивы «Гавриіады» полностью содержатся въ апокрифахъ. Здѣсь мы видимъ двукратное Благовѣщеніе. Пушкинъ, слѣдуя традиціонному истолкованію библейскихъ видѣній, какъ сновъ, излагаетъ первое Благовѣщеніе, какъ вѣщій сонъ Маріи. Голосъ, слышанный ею, былъ голосъ Бога. Три версіи, высказанныя Іосифомъ, подругами и возвѣщенную ангеломъ онъ принимаетъ за три послѣдовательныя событія, примиря ихъ противорѣчіе временнымъ развертываніемъ:

Досталась я въ одинъ и тотъ же день
Лукавому, Архангелу и Богу.

Первая версія — о Сатанѣ — въ апокрифѣ ассоціируется съ грѣхопаденіемъ Евы. Пушкинъ развертываетъ эту связь въ повѣствованіе Сатаны.

Вопросъ о томъ, какъ могли попасть въ руки Пушкина апокрифы, требуетъ особаго разсмотрѣнія. Ссылка на «армянское преданье» (ст. 136) показываетъ, что Пушкинъ обращался къ какимъ-то литературнымъ источникамъ, трактующимъ обстоятельства Благовѣщенія. Въ библиотекѣ Пушкина имѣлся французскій переводъ апокрифовъ изд. 1742 г., но тамъ эти два апокрифическихъ евангелія отсутствуютъ, такъ какъ редакторъ счелъ ихъ за недѣльныя выдумки. Вѣрнѣе предположить, что Пушкинъ читалъ не подлинныя тексты



апокрифовъ, а какіе-то изложенія ихъ. На этомъ вопросѣ здѣсь я не буду останавливаться. Достаточно того, что пародируемую версію Благовѣщенія мы находимъ въ апокрифическихъ евангеліяхъ.

Что касается вводнаго пародируемаго эпизода — о грѣхопаденіи, то здѣсь также врядь ли Пушкинъ восходилъ къ Рагну и его «Paradis perdu». Рагну пародировалъ Делилевскій переводъ Milton'a и Делилевское дополненіе къ нему «Départ d'Eden». Онъ повторялъ, въ пародической окраскѣ, всѣ эпическія украшенія и усложненія сюжета, вплоть до деталей Мильтоновскаго боя дьяволовъ съ ангелами, возмущавшаго Пушкина:

За Мильтономъ и Каморнсомъ
Опасался я безъ крыль парить,
Не дерзалъ въ стихахъ безмысленныхъ
Херувимовъ жарить пушками,
Съ сатаною обитать въ раю...

(«Бова», 1815 г.).

Общаго у Рагну и Пушкина только эротическое истолкованіе грѣхопаденія. Но такое же истолкованіе имѣемъ у Мильтона, и какъ разъ описаніе эротическихъ послѣдствій вкушенія запретнаго плода ближе у Пушкина къ Мильтоновской версіи, чѣмъ къ пародіи Парни.

Пушкинъ не восходитъ въ своемъ сюжетѣ къ Рагну. Онъ совершенно самостоятельно пародируетъ церковныя преданія. Его приѣмъ пародіи — не пропагандистскіе приѣмы Рагну, который смотрѣлъ на свои произведенія, какъ на серьезное дѣло борьбы съ клерикализмомъ и подъ конецъ жизни собирался переработать «La Guerre des Dieux» въ обширную — въ 12 пѣсень — поэму «Christianide».

Пушкинъ, напротивъ, руководится чисто художественнымъ приѣмомъ развертыванія во времени параллельныхъ взаимно-исключающихъ моментовъ. Уничтожая мотивированную въ апокрифахъ невязку между элементами пародируемаго матеріала, онъ новой мотивировкой примиряетъ различныя мнѣнія.

КОМПОЗИЦИЯ

Пародическая традиция, к которой восходил Пушкин, имела свою длинную историю. Если в переписке Пушкина с Бестужевым действительно говорится о «Гавриіаидѣ», то очевидно уже в литературных кругах того времени делались сопоставления этой поэмы с «Елисеємъ» Майкова, которого Пушкин считал «смѣшнѣе, слѣдственно полезнѣе для здоровья». В свою очередь Майков, как и упоминаемый в том же письме Осипов, восходил к Скаррону, хотя и не непосредственно. Как известно, Осипов пользовался немецким подражаніем Скарроновскому «Virgile travesti», Майков же сам на протяжении своего «Елисея» неоднократно взывал к «возлюбленному Скаррону». Правда, он посылает нас не по точному адресу. Жанр «burlesque» или «travesti» в поэмах Scarron'a и d'Assouci пышно разросся во Франціи в XVII вѣкѣ. По свѣдѣніям Pelisson'a требованія читателей на «burlesque» были такъ велики, что издатели печатали этотъ подзаголовокъ на совершенно серьезныхъ произведеніяхъ — в интересахъ сбыта. Такъ в 1649 г. появилась в печати совершенно серьезная поэма с издательскимъ заголовкомъ «La Passion de Notre Seigneur Jésus Christ, en vers burlesques» ¹⁾.

¹⁾ Впрочемъ заголовокъ этотъ объясняется тѣмъ, что подъ «vers burlesques» подразумѣвались 8-ми сложные стихи, которыми писались поэмы Скаррона и др. В сознаніи современниковъ стихотворный метръ былъ наиболѣе характернымъ признакомъ жанра «burlesque».



Но Voileau дискредитировалъ «le burlesque éffronté» и предложилъ свою «герои-комическую» поэму «Lutrin» въ качествѣ «новаго burlesque», формулируя свой приемъ такъ: «C'est un burlesque nouveau dont je me suis avisé en notre langue: car, au lieu que dans l'autre burlesque, Didon et Enée parlaient comme des harengères et des crocheteurs, dans celui-ci une horlogère et un horloger parlent comme Didon et Enée». Общее у burlesque и Voileau — противопоставленіе сюжета и стиля. Но въ то время, какъ у Скаррона пародировался сюжетъ, у Voileau — пародировался стиль. По стопамъ Voileau пошли какъ французскіе писатели, такъ и писатели иныхъ языковъ.

Во Франціи въ XVIII вѣкѣ писалъ въ этомъ родѣ Gresset. Его «Vert-vert», «Lutrin vivant», «Carême impromptu» представляютъ также опыты изобразить въ высоко эпическомъ стилѣ «низкій» сюжетъ. Характеренъ выборъ сюжетовъ: вслѣдъ за Voileau и Gresset черпаетъ матерьялъ изъ церковно-монастырской жизни. Вообще духовенство подвергалось усиленному осмѣянію отчасти уже въ сказочкахъ La Fontaine'a, Vergier и Grécourt'a, и очень энергично — въ порнографическихъ эпиграммахъ J.-B. Rousseau. Подобный выборъ темы, понятно, объясняется не исключительно «общественными» запросами, а законами самого жанра. Надо сказать, что уже Gresset ослабилъ «высоту штиля», замѣнивъ строго эпическій александрийскій стихъ комическимъ «маротическимъ» décasilabe'омъ сказокъ la Fontaine'a и эпиграммъ J.-B. Rousseau. Русскія подражанія: «Опасный Сосѣдъ» В. Л. Пушкина, «Елисѣй» Майкова и поэмы, приписываемыя Баркову, не пошли въ этомъ за Gresset и соблюли высоту стиля также и въ своемъ александрийскомъ стихѣ.

Вообще же во Франціи въ XVIII вѣкѣ пародическій контрастъ сюжета и стиля, героевъ и языка постепенно стирается. «Высокій штиль» воспринимается, какъ комическій и не контрастируетъ съ «посредственной» матеріей сюжета. Пародическій контрастъ проникаетъ вглубь самого сюжета въ формѣ сочетанія въ одномъ изложеніи контрастирующихъ мотивовъ. Высокія матеріи разрабатываются по низкой сюжетной схемѣ, въ чемъ авторы отчасти возвращаются къ Скаррону. Такъ у Вольтера въ «Pucelle» національная героиня Франціи превращается въ трактирную служанку. Его совре-



менникъ Dorat такъ опредѣляетъ его манеру: «*Ses poèmes satyriques ont donné l'idée du mot Persifflage qui s'introduit depuis peu et dont le sens n'est pas aussi vague que d'abord il paraît. Le Persifflage est à mes yeux la décomposition des objets imposants, réduits à leur juste valeur*». Героическіе мотивы перебиваются эротико-порнографическими деталями. Античная мифологія, которая къ этому времени цѣликомъ стала приемомъ чисто стилистическимъ, потерявъ значеніе сюжетнаго матерьяла, отбрасывается. На смѣну выдвигается мифологія христіанская, контрастно отбрасываемая эротикой. Кульминаціоннымъ пунктомъ такого контрастнаго сочетанія библейскихъ мотивовъ съ порнографіей являются поэмы Ragny.

Переплетеніе духовнаго съ эротическимъ наблюдалось и раньше. Еще въ XVII вѣкѣ можно найти примѣры ироническаго подновленія библейскихъ сюжетовъ эротическимъ элементомъ въ сонетѣ Sarrazin'a (котораго считаютъ основателемъ жанра «burlesque»), гдѣ про Еву говорится:

Elle aime mieux, pour s'en faire conter,
Prêter l'oreille aux fleurettes du diable,
Que d'être femme et ne pas coqueter.

Впрочемъ, въ данномъ случаѣ иронія объясняется стилемъ «грѣсieux», который въ XVII вѣкѣ не носилъ комической окраски.

Въ самомъ началѣ XVIII вѣка Grécouрт въ длинной эротической сказкѣ комически повѣствуетъ о грѣхопаденіи праотцевъ, причѣмъ среди персонажей весьма фривольно выведенъ и «Le Bon Dieu». Точно также Адамъ и Ева фигурируютъ въ одной поэмѣ («Борода»), приписываемой Баркову и написанной тягучимъ александрийскимъ стихомъ ¹⁾.

Пародированіе библейскихъ темъ вовсе не объясняется религіознымъ нигилизмомъ авторовъ. Grécouрт былъ, напр., аббатомъ.

¹⁾ Современники смотрѣли на Баркова, какъ на подражателя Скаррона. Въ «Посланіи къ Привѣтѣ» 1807 г. Александръ Палицынъ упрекалъ Баркова за то, что онъ, «презрѣвъ дары природы», «пресмыкался въ слѣдъ Скаррону».



Точно также, по свидѣтельству П. И. Якушкина, относящемуся къ 1865 г., кто «когда-нибудь слыхалъ пѣвцовъ на приходскомъ праздникѣ въ селѣ или на ярмаркѣ, — не могъ не замѣтить, что слѣпцы не только пародируютъ (духовные стихи), но даже кощунствуютъ». И понятно, это кощунство не вызвано религиознымъ отрицаніемъ, ибо тѣ же слѣпцы, здѣсь же поютъ и самые духовные стихи. Voltaire и Rigny, въ данномъ случаѣ, отступаютъ отъ общаго правила и кощунствуютъ идейно.

Вся эта литература была великолѣпно извѣстна Пушкину, который цитировалъ эти произведенія, упоминая въ письмахъ обширную пародическую литературу какъ французскую, такъ и иноязычную (напр., Гудибраса или Рейнеке Фуксъ) ¹⁾. Но понятно, ближе всего Пушкину были «Pucelle» Voltaire'a и «La Guerre des Dieux» и «Le Paradis perdu» Rigny, которыхъ съ «Гаврилядой» сближаетъ кромѣ темы еще и стихъ décassillabe, по терминологіи Пушкина — «пентаметръ», передаваемый пятистопнымъ ямбомъ («les Galantries de la Bible» написаны, вѣроятно въ подражаніе Scarron'у, «octosyllabe'омъ»).

Поэмы эти и современные имъ «герои-комическія» эпическія произведенія составлялись по опредѣленной формѣ. Вѣрные эпической традиціи итальянцевъ, въ частности Ariosto, авторы усложняли свой сюжетъ тѣмъ, что именовали «фикціями», вводя массовое количество дѣйствующихъ лицъ и разбивая повѣствованіе на нѣсколько эпическихъ плановъ.

Дѣйствіе обязательно происходило въ нѣсколькихъ мѣстахъ, развивалось какъ рядъ параллельныхъ сюжетовъ, иногда скрещивавшихся, переплетавшихся и имѣвшихъ общую развязку. Въ повѣствованіи соблюдалась смѣна плановъ, равноправныхъ въ изложеніи. Если по ходу изложенія необходимо было упомянуть, что произошло въ другомъ мѣстѣ, то авторъ не ограничивался простымъ вводнымъ упоминаніемъ. Онъ совершенно бросалъ свой первый планъ и пере-

¹⁾ Ср. эпизодъ боя Гаврилы съ Сатаной съ соотвѣтствующимъ эпизодомъ боя Рейнеке съ волкомъ. И Гавриль и Рейнеке побѣждаютъ одинаковымъ способомъ («Рейнеке Фуксъ» упоминается въ письмѣ Пушкина Рыльеву 25 января 1825 г.).



носился въ другое мѣсто, ведя повѣствованіе съ такою же полнотою и съ равной степенью возбужденія интереса. Эта смѣна плановъ, «transitions» — одна изъ типическихъ чертъ какъ эпическихъ, такъ и дескриптивныхъ поэмъ XVIII и начала XIX вѣка. Въ описательныхъ поэмахъ такіе неожиданные переходы часто своей немотивированностью вызывали комическое впечатлѣніе¹⁾. Смѣна декорацій мотивировки не требовала. Достаточно было сказать: «pendant ce temps» или «dans cet instant», чтобы перенестись изъ ада въ рай. Послѣдовательность соблюдалась приблизительно хронологическая — въ чемъ отличіе эпическихъ поэмъ отъ позднѣйшихъ романовъ. Не даромъ въ старинныхъ риторикахъ эпическія поэмы мѣрились временемъ дѣйствія (около года). Но обычно смѣна плановъ совершалась не въ формѣ неожиданной «транзиціи», а при переходѣ отъ пѣсни къ пѣснѣ. Впрочемъ пѣсенное дѣленіе только облегчало смѣну эпическихъ плановъ и больше опредѣлялось объемомъ содержанія, нежели сюжетной дробимостью, и съ этой смѣной иногда не совпадало. Что касается повѣствовательной мотивировки пѣсеннаго дѣленія, то оно сводилось къ лиродидактическому обрамленію пѣсенъ въ видѣ «предисловія». Заимствую эти термины у Voltaire'a, который, въ началѣ X пѣсни «Pucelle», намѣренно опорачивая этотъ приемъ пишетъ :

Eh quoi! toujours clouer une préface
A tous mes chants! la morale me lasse;
Un simple fait conté naïvement,
Ne contenant que la vérité pure,
Narré, succinct, sans frivole ornement

¹⁾ Какъ примѣръ комической «транзиціи» цитируютъ стихи изъ «Vosges» François de Neufchâteau:

De nos chaumes Gruyère avoûrait les fromages;
Toutefois, mon pinceau cherche d'autres images,
L'humanité souffrante a des droits sur mon coeur.



Point trop d'esprit, aucun raffinement
Voilà de quoi désarmer la censure.
Allons au fait, lecteur, tout rondement,
C'est mon avis. Tableau d'après nature
S'il est bien fait, n'a besoin de bordure...

Характерно, что эти жалобы на ненужность «обрамления» изложены в формѣ именно этой отрицаемой въ нихъ «запѣвки».

Такія лиродидактическія отступленія допускались только въ формѣ предисловія и не вѣдрялись въ изложеніе, гдѣ самое большее мы находимъ только распространенныя метафоры и параллелизмы, имѣющіе внѣшній характеръ личныя мыслензъявленій поэта.

Какъ одну изъ особенностей французскихъ поэмъ отмѣчу и обязательность строфической цѣлостности пѣсень. Написанныя стихомъ вольной рیمовки, эти поэмы не допускали внутри пѣсень сосѣдства неримующихъ строкъ одного рода окончанія (т. е. двухъ мужскихъ или двухъ женскихъ) и строились, какъ одно стихотвореніе — безъ разрывовъ.

Иной характеръ носила «Гаврііліада». По сюжету мы имѣемъ 3 эпическихъ плана: садъ Маріи, небо и адъ. Но повѣствованіе развивается въ одномъ планѣ — вокругъ Маріи. Нѣтъ эпическихъ переходовъ въ другой планъ съ покиданіемъ дѣйствующихъ лицъ перваго. Первое отступленіе вводится, какъ сонъ Маріи: «предъ нею вдругъ открылся небосклонъ», съ краткой (въ 8 стиховъ) предварительной мотивировкой сна. Второе отступленіе въ 37 стиховъ: «И ты, Господь, позналъ ея волненье...» имѣетъ характеръ вводнаго пояснительнаго эпизода, гдѣ даются свѣдѣнія о происходящемъ въ раю и въ аду; сообщеніе о Сатанѣ (6½ стиховъ) вѣдряется внутрь отступленія. Цѣлостности эпическаго развертыванія этотъ моментъ не достигаетъ. Такой же характеръ необходимаго вводнаго поясненія носить и послѣднее отступленіе: «Ужь Гавріілъ съ извѣстіемъ приятнымъ по небесамъ летитъ путемъ обратнымъ». Лирическія отступленія вѣдряются въ повѣствованіе и играютъ композиціонную роль паузъ. Кромѣ лирическаго предисловія и эпилога,—



оставляя въ сторонѣ распространенные параллелизмы (объ адъютантѣ и школьной борьбѣ), — мы имѣемъ еще слѣдующіе моменты: 1) 20 стиховъ — «Поговоримъ о странностяхъ любви» — предисловіе къ первой ссылкѣ на небесныя событія, 2) 17 стиховъ — «О милый другъ, кому я посвятилъ...» занимаютъ мѣсто эротической паузы — опущеннаго занавѣса — въ повѣствованіи, соотвѣтствующей мѣсту торжества Сатаны надъ Маріей. 3) 15 стиховъ: «Не сбѣуйте, красавицы мои» — такая же пауза, обозначающая торжество Гавріила.

Функции пѣсеннаго «бордюра» исчезаютъ въ лирическихъ отступленіяхъ «Гавріилады». Поэтъ еще не сливаетъ себя съ героями и не стремится мотивировать отступленія, какъ мнѣнія и мысли дѣйствующихъ лицъ, но онъ уже опредѣленно вводитъ въ повѣствовательный планъ то, что раньше являлось вышшимъ оформленіемъ пѣсеннаго дѣленія.

Вопреки правиламъ французскихъ эпическихъ поэмъ, Пушкинъ допускаетъ и внутреннюю ритмически подчеркнутую дробимость поэмы. Мы имѣемъ смежныя нерисующія однородныя строки въ слѣд. мѣстахъ: стихи 100 и 101 (окапчиваются словами «педантъ» — «любви») — передъ первымъ лирическимъ отступленіемъ, и стихи 339 — 40 («траву» — «посвятилъ») — передъ вторымъ лирическимъ отступленіемъ. Эти моменты намѣчаютъ мелкія композиціонныя части, по объему не соотвѣтствующія типичнымъ размѣрамъ пѣсенъ французскихъ эпическихъ поэмъ.

Въ «Гавріиладѣ» мы видимъ рѣзкій отходъ отъ манеры XVIII в., еще обязательный въ «Русланѣ и Людмилѣ», — отходъ въ направленіи, опредѣляемомъ типомъ Пушкинскихъ «байроническихъ» поэмъ. Подзаголовокъ «Гавріилады» — «поэма въ одной пѣснѣ», заключающій скрытую *contradictio in terminis*, отражаетъ то, что пѣсенную недѣлимость Пушкинъ сознавалъ и отчетливо противопоставлялъ свою поэму многопѣсеннымъ «Pucelle», «La Guerre des Dieux» и «Le Paradis perdu» (если, понятно, подзаголовокъ этотъ соотвѣтствуетъ подлинному списку, а не является измышленіемъ переписчиковъ). «Гавріилада» писалась почти одновременно съ «Кавказскимъ Пѣнникомъ» (эпизодъ къ которому написанъ въ маѣ 1821 г.), раньше, чѣмъ «Братья Разбойники», «Вадимъ», «Бахчи-сарайскій Фонтанъ» и «Цыганы», знаменующіе байроническую



манеру Пушкинского письма. Это — одинъ изъ первыхъ опытовъ въ новомъ для Пушкина родѣ и является какъ бы связующимъ звеномъ между поэмой классической («Бова», «Русланъ и Людмила») и романтической.



ИЗЛОЖЕНІЕ

Сжавъ сюжетъ около Маріи, Пушкинъ дѣлаетъ ее центромъ изложения. Всѣ эпизоды излагаются, исходя изъ лица Маріи. Характеренъ пріемъ введенія этихъ эпизодовъ. Авторъ начинаетъ всегда съ изложения настроенія и думъ Маріи: «Все нравится Маріи молчаливой», «въ своемъ углу, печальныхъ думъ полна», «подумала — и духо преклонила», «что жь, думала, быть можетъ правъ лукавый», «и нѣжностью исполнилась душа», «душа горитъ и нѣгой и желаньемъ», «а между тѣмъ въ задумчивости нѣжной она грѣшитъ...». Съ эмоциональныхъ «раздумій» начинаются эпические моменты. Единственно думающимъ лицомъ является Марія: остальные только дѣйствуютъ, ихъ эмоціи сообщаются постольку, поскольку имѣютъ вышнее проявленіе: «посоль краснѣлъ...», «Всевышній между тѣмъ на небесахъ сидѣлъ въ уныньи сладкомъ...» и т. д. Въ томъ, что «думающимъ» лицомъ является женщина — героиня, — особенность раннихъ произведеній Пушкина. Въ «Русланѣ и Людмилѣ» такъ же размышляетъ только Людмила. Наоборотъ — въ болѣе позднихъ поэмахъ субъектомъ изліяній является всегда герой — мужчина (въ «Цыганахъ» Алеко, а не Земфира, въ «Кавказскомъ Пльвникѣ» — плвникъ, а не черкешенка; даже въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» Пушкинъ выражаетъ эмоциональнныя переживанія героиня главнымъ образомъ въ діалогахъ и вышнихъ описаніяхъ ихъ проявленій.

Но ссыла на раздумія Маріи едва ли не является чисто композиціоннымъ пріемомъ конденсаціи вниманія на героинѣ. Съ этихъ раздумій Пушкинъ сейчасъ же переходитъ на объективное



повѣствованіе. Описательные моменты почти отсутствуют въ главномъ повѣствованіи. Мѣсто дѣйствія опредѣляется нѣсколькими словами: «въ своемъ саду» или

Въ прохладѣ пальмъ, подъ говоромъ ручья,
Задумалась красавица моя,
Не мило ей цвѣтовъ благоуханье
Не весело прозрачныхъ водъ журчанье.

И здѣсь дескрипція совпадаетъ съ передачей настроенія героини.

Главные эпические моменты изложены въ формѣ рѣчей и діалоговъ. Въ видѣ рѣчи Сатаны введено и большое (около 100 стиховъ, т. е. почти $\frac{1}{5}$ поэмы) повѣствованіе о грѣхопадении прародителей. Простое описаніе дѣйствія выступаетъ только тамъ, гдѣ подчеркнуто молчаніе дѣйствующихъ лицъ: «Не говоря ни слова, къ ней устремивъ чудесный блескъ очей, чего-то онъ краснорѣчиво просить», «Усталые, забывъ и брань и рѣчи, такъ ангелы боролись межъ собой», «...но голубь торжествуетъ, въ жару любви трепещетъ и воркуетъ». Даже описанія переживаній Маріи отчасти объясняются ея «молчаливостью». Вообще «молчанія» — эта отрицательная характеристика діалога — отмѣчены въ «Гавріиліадѣ» 9 разъ.

Такимъ образомъ изложеніе драматизировано. Въ этомъ Пушкинъ не отходитъ отъ эпическихъ традицій Voltaire'a, Racine и можетъ быть Milton'a, съ которымъ Пушкинъ по переводу Делиля былъ знакомъ съ лицейскихъ лѣтъ. Сокращена лишь роль дескрипцій, занимающей много мѣста въ эпическихъ «фикціяхъ» этихъ поэтовъ.

Особенно у Racine драматизація часто даже обнажена тѣмъ, что онъ печатаетъ свою поэму иногда въ формѣ драматическаго діалога, съ наименованіемъ дѣйствующихъ лицъ нѣмыми ремарками т. е. не входящими въ чтеніе стиховъ, какъ наименованіе персонажей въ драмѣ. Ср. этотъ же приѣмъ въ «Цыганахъ»). Особенно типиченъ для такого метода изложенія быстрый діалогъ Маріи съ Сатаной (стихи 193 -- 198). Это діалогическое построеніе вошло и въ позднѣйшія байроническія поэмы, можетъ быть потому, что присутствуетъ и въ поэмахъ самого Байрона.



Въ выборѣ выражений, въ деталяхъ повѣствованія Пушкинъ не избѣгалъ совпаденій съ французскими образцами. Текстуальные сближенія давали поводъ Бартеневу и Ефремову заключать о подражательности «Гавриіады» Приведу нѣсколько примѣровъ.

Въ «Pucelle» читаемъ :

Il eut l'emploi qui certes n'est pas mince
Et qu'à la cour, où tout se peint en beau,
Nous appellons être l'ami du prince
Et qu'à la ville et surtout en province
Les gens grossiers ont nommé maquereau (ch. I)

И славы сынъ, намѣренья сокрывъ,
Сталъ нехотя услужливый угодникъ
Царю небесъ — а по земному сводникъ.

Въ «Paradis perdu» говорится :

Un beau serpent sur un rameau placé
Dressant sa tête et son corps nuancé
Lui dit: «Salut, aimable souveraine»

И видитъ вдругъ: прекрасная змія
Приманчивой блистая чешуею,
Въ тѣни вѣтвей качается предъ нею
И говорятъ : «Любимица небесъ»...

Въ той же поэмѣ есть параллель, отмѣченная Ефремовымъ :

Toi dont le nom est encor dans mon coeur,
Premier objet, dont j'ai tenté les charmes,
Pardonne moi mon crime et mon bonheur...

О милый другъ, кому я посвятилъ
Мой первый сонъ надежды и желанья,
Красавица, которой былъ я милъ,
Простишь ли мнѣ мои воспоминанья?...



Эта параллель интересна тѣмъ, что она не вызвана необходимостью повѣствованія и не явилась въ результатѣ психологической навязчивости чужой фразеологии при изложеніи факта, принятаго въ чужой передачѣ.

Затѣмъ въ томъ же «Paradis perdu» приводится діалогъ сатаны и ангела:

«Tremblez, son bras va vous réduire en poudre»
On lui répond d'un ton plus qu'assuré:
«Lâche, trembler n'appartient qu'à l'esclave»...

«Иль я тебя заставлю трепетать!»

— «Не трепеталъ отъ вашихъ я придворныхъ»...

Гораздо разительнѣе совпаденіе изображеній «Схожденія Св. Духа». Въ «la Guerre des Dieux» описаніе таково:

Il faisait chaud: cette viègre en dormant
A dérangé l'utile vêtement
Qui la couvrait: la robe se replie
Et laisse voir ce qu'on ne vit jamais;
Sa jambe nue et sa cuisse arrondie
En s'écartant, semblent chercher le frais.
Un beau pigeon, en plumage d'albâtre
Du ciel alors descend sur le théâtre.
Son rouge bec et ses pattes d'azur
De son gosier le timbre clair et pur
Son auréol et surtout ses manières
Le distinguaient des pigeons ordinaires,
Sur la dormeuse il plane galamment,
S'abat ensuite et, léger, il se pose
Juste à l'endroit, délicat et charmant
Où des amours s'ouvre à peine la rose.
De son plumage il le couvre un moment
Ses petits pieds avec adresse agissent
Son joli bec l'effleure doucement
Et de plaisir ses deux ailes frémissent.



Въ своемъ углу Марія въ тишинѣ
Покоилась на смятой простынѣ.

.
Ночной покровъ ногою отдалила
Довольный взоръ съ улыбкою склонила,
И, щастлива въ прелестной наготѣ
Сама своей дивилась красотѣ...

.
И что же, вдругъ мохнатый, бѣлокрылый
Въ ея окно влетаетъ голубъ милый,
Надъ нею онъ порхаетъ и кружить
И пробуетъ веселые напѣвы,
И вдругъ летить въ колѣни юной дѣвы,
Подъ ризою садится и дрожить,
Клюетъ ее, копышется, вертится,
И носикомъ, и ножками трудится.
Онъ! точно онъ! — Марія поняла,
Что въ голубѣ другаго угошала,
Колѣни сжавъ Еврейка закричала,
Вздыхать, дрожать, молиться начала,
Заплакала, но голубъ торжествуетъ,
Въ жару любви трепещетъ и воркуетъ
И падаетъ, объятый легкимъ сномъ,
Приосѣня двѣтокъ любви крыломъ...

Приведу еще одну параллель изъ «Pucelle»:

O mes amis, vivons en bons chrétiens!
C'est le parti, croyez-moi, qu'il faut prendre.
A son devoir il faut enfin se rendre
Dans mon printems j'ai hanté les vauriens,
A leurs désirs ils se livraient en proie
Souvent au bal, jamais dans le saint lieu
Soupant, couchant chez les filles de joie,
Et se moquant des serviteurs de Dieu.



Храни меня, внемли мое моленье
Досель я былъ еретикомъ въ любви
Младыхъ богинь безумный обожатель,
Другъ демона, повѣса и предатель...
Разкаянье мое благослови!
Приемлю я намѣреня благія.

Я уже сказала, что грѣхопаденіе прародителей у Пушкина описано довольно близко къ Milton'у. Вотъ отрывокъ изъ Milton'a въ переводѣ J. Delille'я:

Adam saisit sa main; sous un toit d'arbrisseaux
Dont les rameaux fleuris se voûtent en berceaux,
Oubliant cette adroite et molle résistance
Qu'oppose aux doux ébats la pudeur qui balance,
Eve suit son époux; sur leurs pas mille fleurs
Diverses de parfums, de formes, de couleurs,
D'iris, de violette, et la sombre hyacinthe,
De l'alcôve amoureuse ont tapissé l'enceinte.
La rose exhale autour son beaume le plus pur:
Leur couche brillait d'or, et de pourpre et d'azur;
Et sous eux la pelouse et plus molle et plus douce
En lit voluptueux avait enflé la mousse.
Enfin aux voluptés succède le sommeil.

Правда, здѣсь параллелизмъ наблюдается въ томъ, что мы привыкли считать «общими мѣстами»: «глухой дѣсокъ», «сѣнь», «цвѣты» и прочіе атрибуты любовной декорации. Но характерно, что у Ragny въ соответственномъ мѣстѣ этого нѣтъ.

Эти параллели не свидѣтельствуютъ о влияніи, подражаніи и т. д. Матеріалъ для этого слишкомъ скуденъ. Но несомнѣнно, что въ процессѣ эпического изложенія, въ выборѣ выраженій Пушкинъ не избѣгалъ совпаденій съ хорошо усвоенной имъ традиціей французской поэзіи XVIII вѣка (Milton преломляется сквозь изощренный языкъ Delille'я, который, по позднѣйшему приговору Пушкина, «ужасно поправилъ его грубые недостатки и украсилъ его безъ милосердія»). Въ этомъ «Гавріиліада» примы-



каеть къ болѣе раннимъ произведеніямъ Пушкина, съ которыми ее роднитъ также общность поэтической фразеологии.

Такъ уже отмѣчалось очень точное совпаденіе стиховъ «Гавриіады»:

Когда же мы поймали на лету
Крылатый мигъ небесныхъ упоеній
И къ радостямъ на лонѣ наслажденій
Стыдливую склонили красоту...

Со стихами 1816 г.:

Стократъ блаженъ, кто въ юности прелестной
Сей быстрый мигъ поймаешь на лету,
И къ радостямъ и нѣгѣ неизвѣстной
Стыдливую преклонить красоту...

Настаивать на параллеляхъ «Гавриіады» съ французскими текстами я не буду. Я хотѣлъ лишь иллюстрировать общіе моменты стиля, приемовъ описанія, сходство темъ лирическихъ отступленій, того тона, который является характеристическимъ свойствомъ цвѣтистаго, но въ тоже время и лукаво-проницательскаго стиля, достигающаго сквозь сплетеніе традиціонныхъ, вывѣтрившихся прикрасъ, необычайной ясности и даже простоты. Совпаденія свидѣтельствуютъ, что Пушкинъ не избѣгалъ штампа въ выборѣ словъ и выраженій. А отсюда можно заключить, что вниманіе свое онъ сюда не обращалъ. Его болѣе привлекали — съ одной стороны смыслъ и художественно-композиціонныя заданія, съ другой — звучаніе. Поэтическая лексика, подборъ выраженій остается нѣсколько въ тѣни. Наблюдается разрывъ въ общей цѣпи художественнаго слова, невнимательность въ выборѣ выразительныхъ средствъ. Оттого-то здѣсь и наблюдаются въ большей степени реминисценціи и традиціонныя приемы.



ЯЗЫКЪ

Въ произведеніяхъ типа «burlesque» или «travesti» выборъ языковой формы представлялъ одинъ изъ основныхъ моментовъ комической композиціи. Герои должны были говорить площаднымъ языкомъ. Отсюда — тяготѣніе къ «argo» и діалектамъ. Вслѣдъ за Скарроновскимъ «Virgile travesti» во Франціи появились такія же передѣлки на провинціальныя діалекты — «Virgile deguisat o l'Eneido burlesco» (1648), «Virgille virai en bourguignon» (1712 г.) и мн. др. (слѣдую указаніямъ Victor Fournel: «Du burlesque en France»). На русской почвѣ мы имѣемъ малороссійскую Энеиду Котляревскаго.

Вопросъ о языкѣ не теряетъ своей остроты и въ «герои комическихъ» поэмъ типа «Lutrin» или «Елисей», гдѣ комизмъ достигается контрастомъ между «подлымъ» сюжетомъ и высокимъ стилемъ. Въ этихъ произведеніяхъ наблюдается стремленіе оформить по правиламъ высокой поэтики, съ соблюденіемъ поэтического синтаксиса, съ примѣненіемъ риторическихъ фигуръ, — живого «низкаго» лексического матерьяла. Весь художественный замыселъ строился на комизмѣ языковыхъ контрастовъ.

Но ко времени «Гавріілады» острота чисто стилистическихъ приемовъ комическихъ поэмъ уже не воспринималась. Судя по письму Пушкина къ Бестужеву съ отзывомъ о «Елисеѣ», — и въ этой поэмѣ его привлекали главнымъ образомъ сюжетные контрасты — противорѣчія между сюжетнымъ планомъ и эпизодами. Уже Voltaire и Rappin писали свои поэмы «общимъ языкомъ», не пародируя самого стиля.



«Гавриіліада» не есть пародія стили. Пародическіе моменты языка не трудно элиминировать. Нѣсколько спорадически встрѣчающихся славянизмовъ, нарочито поставленныхъ, почти не измѣняютъ количественно отношеніе славянскаго элемента къ русскому сравнительно съ другими произведеніями Пушкина той же эпохи. Какъ примѣръ сознательной пародіи можно привести обращеніе Гавриіла къ Маріи, гдѣ духовные моменты замѣнены эротическими. Соотвѣтствующая молитва читается: „Бѣгъ родице Дѣво, радѣица, бѣгодѣтельная Мѣриє, Гдѣ изъ Тебѣю, бѣгогловѣна Ты къ женѣмъ, и бѣгогловѣнъ плодъ чреба Твоегѣ“, ꙗко Бѣга родила ѣси дѣшкѣ нашізкѣ“. (Молитва составлена изъ обращенія къ Маріи Елизаветы и Гавриіла Лук. гл. I 28 и 4 п.).

О, радуйся, невинная Марія!
Любовь съ тобой, прекрасна ты въ женахъ;
Стократ блаженъ твой плодъ благословенный,
Спасеть онъ міръ и испровергнетъ адъ... 1)

Но въ общемъ языкъ «Гавриіліады» не отражаетъ на себѣ пародическаго заданія. Контрастность дѣйствіемъ смѣшена въ композицію и сюжетъ. Даже когда Пушкинъ сознательно задается пародированіемъ, имитируя «восточный, пестрый слогъ», то и здѣсь мы находимъ выраженія, приемлемыя для Пушкина и въ другихъ произведеніяхъ, не носящихъ пародической окраски; пародическое усугубленіе стилемъ, утрировка отсутствуетъ:

«...Люблю, люблю Марію,
Въ уныніи безсмертіе влечу.
Гдѣ крылія? Къ Маріи полечу
И на груди красавицы почию...»

Въ такихъ же выраженіяхъ перелагается Пушкинымъ «Пѣснь пѣсней», въ стихахъ, чуждыхъ комической окраски.

1) Ср. стихи 65—70, 128—129, 523 и сл.



Здѣсь, собственно, такая же пародія темъ и настроеній, какъ и въ элегіи Ленскаго, написанной въ обычныхъ для Пушкина языковыхъ формахъ, но съ ориентирующимъ примѣчаніемъ:

Такъ онъ писалъ темно и вяло...

Не даромъ Анненковъ, склонный объяснять чуждые ему и съ его точки зрѣнія слабые стихи Пушкина пародійностью, видѣлъ въ подлинно Пушкинскихъ элегіяхъ опыты стиховъ Ленскаго. Точно также подлинныя наброски Пушкина онъ принималъ за «дневникъ Онѣгина», а въ наброскѣ комедіи видѣлъ пародію на французскій комедійный стиль. Подобное чтеніе въ мысляхъ объясняется исключительно тѣмъ, что стиль Пушкина, за весьма малыми исключеніями, не носилъ вышнихъ специфически пародійныхъ признаковъ.

Изложеніе ведется въ порядкѣ не то проповѣди, не то благочестиво-апокрифическаго повѣствованія съ соответствующимъ комическимъ планомъ, съ назидательнымъ вступленіемъ:

Приди ко мнѣ, прелестный ангелъ мой,
И мирное прими благословенье,

съ обращеніемъ къ паствѣ:

Но, братія, съ небесъ во время оно
Всевышній Богъ склонилъ привѣтный взоръ...

съ заключительной молитвой:

Аминь, аминь. Чѣмъ кончу я рассказы...

Но эта проповѣдь развивается на языковомъ фонѣ фамильярной бесѣды въ тѣсномъ пріятельскомъ кругу:

Поговоримъ о странностяхъ любви...

Эта фамильярность тона обостряется интимными обращеніями — «о, милый другъ...» —, намеками, понятными въ дружескомъ кругу и связывающими повѣствованіе съ окружавшей поэта обстановкой, съ темами салонныхъ легкихъ разговоровъ и городскихъ сплетень.



Біографическая документальность в некоторых намеках, уже отмеченная мною, представляет собой чисто художественный прием придания поэме в восприятии слушателей характера повседневных бесед, интимного «badinage'a», тона приятельских полунамеков, полупризнаний и откровенностей.

Уже в силу такого построения поэмы, язык ее лишен специфически пародической установки. Подобно поэмам Ragny и Voltaire'a — «Гавриіада» писана «общимъ языкомъ».

Язык «Гавриіады» — типичный язык Пушкина начала двадцатых годов. Поэтому в описании языка поэмы нет возможности устанавливать специфические для произведения черты, и те наблюдения, которые можно произвести, вероятно легко распространяются и на прочие произведения 1821 г. Приходится ограничиваться объективным описанием, причем индивидуальные качества языка произведения могут выясниться лишь на фоне общего изучения языка и стиля Пушкина, современной ему литературы и практического языка его эпохи. Къ сожалѣнію, такой общей работы не предѣлано. Попытка изучения языка Пушкина — грамматика Е. О. Будде — не вполне удовлетворительна какъ по объему (захвачена лишь такъ наз. этимология, т. е. морфология словоизмѣненія частей рѣчи), такъ и по матеріалу (Будде пользовался плохими изданиями текста), и по плану (не прослѣжена эволюція языковыхъ формъ у Пушкина, и оформленіе грамматики совершенно по приемамъ догматическихъ «курсовъ правописанія»). Также неудовлетворительны и попытки словаря Пушкина.

Здѣсь я не преслѣдую задачи изучения языка Пушкина въ полномъ объемѣ, хотя бы и на ограниченномъ матеріалѣ «Гавриіады» а потому ограничусь лишь некоторыми совершенно отрывочными замѣчаніями.

Литературный языкъ 20-хъ годовъ, замыкающихъ собою переходную эпоху конца XVIII и начала XIX вѣка, отличался пестротой своихъ элементовъ. Литературно-церковная традиція сплеталась съ живымъ русскимъ языкомъ, который, за отсутствіемъ прочныхъ письменныхъ формъ, черпался непосредственно изъ діалектовъ, причемъ скрещивались элементы различныхъ діалектовъ русскаго языка. Надо всѣмъ этимъ царилъ еще рационалистическая тенден-



дія внести «правильность» въ языкъ, что приводило къ гибриднымъ формамъ: славянизмы съ русской морфологіей, различныя степени галлицизмовъ (начиная съ французскаго ударенія и кончая синтаксисомъ, напр. «счастливый знакъ, любви символъ призывный» ср. въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» — «символъ, конечно, дерзновенный»; и «привлечь успѣлъ къ таинственному древу», гдѣ «успѣлъ» — переводъ съ французскаго «réussit»), наконецъ къ искусственнымъ новообразованиямъ, констатировать которыя нынѣ чрезвычайно трудно (не являлись ли у Пушкина вслѣдъ за писателями XVIII в. такими новообразованиями слова на «ость» — напр. «скучна была ихъ дней однообразность». Ср. «красивость» въ «Мѣдномъ Всадникѣ» и пр.). Это нивелирующее стремленіе не уничтожило нѣкотораго хаоса, засвидѣтельствованнаго обиліемъ дублетовъ акцентныхъ, морфологическихъ, синтаксическихъ и лексическихъ. (Напр. характерно чередованіе слова «чувствіе» — слово, встрѣчающееся у Державина, Фонвизина, въ «Евгеніи Онѣгинѣ»: «чувствій пыль старинный», и «чувство»: «посолъ краснѣлъ и чувства чужія такъ изъяснялъ...» — «и нѣгу чувствъ и сердца и трепетанье». Или чередованіе «докучный» и «докучливый»: «свѣчи, старухъ докучная мольба» и «при матери докучливой и строгой», ср. посланіе Алексѣеву. Словообразованиями послѣдняго рода изобилуетъ «Гавриліада»: «послушливую руку», «проказливая дочь»).

Дублетныхъ формъ въ «Гавриліадѣ» чрезвычайно много. Оставляя въ сторонѣ семасіологическіе дублеты — безразлично употребляемые синонимы: «зрѣть, видѣть, — иной, другой — и т. д., — мы имѣемъ напр. двойное спряженіе глаголовъ на «емль» (внемлю и внимаю), двойное склоненіе «крылья» и «крылы», колеблющееся образованіе дѣепричастныхъ формъ «соверша», «полюбя», «преклоня», «потупя», и въ то же время «склонивъ» (дважды), «сложивъ», «закипѣвъ», «устремивъ», «соединивъ». Между прочимъ — при обиліи дѣепричастныхъ формъ и тождественныхъ съ ними сокращенныхъ обстоятельственныхъ предложеній съ прилагательнымъ краткаго окончанія (съ отрицательной связкой формы «будучи»), напр.

Упоена живымъ воспоминаньемъ,
Въ своемъ углу Марія въ тишинѣ



Покоилась на смятой простынѣ.

.....

И щастлива въ прелестной наготѣ,
Сама своей дивилась красотѣ

.....

Она грѣшитъ, прелестна и томна. ¹⁾

Наряду съ такими формами совершенно отсутствуютъ причастныя формы на «вшій» и «щій», очевидно изъ эфоническихъ соображеній. (ср. Грамматику Ломоносова § 394).

Понятно, обильны дублеты церковно-русскіе «гласъ» — «голосъ», «шлемъ» — «шеломъ», «огнь» — «огонь», «молодой» — «младой».

Вся эта лексико-морфологическая неустойчивость и несогласованность даетъ право заключить, что художественное вниманіе Пушкина концентрировалось на двухъ полюсахъ — композиціи и эфоніи. Лексическая изысканность, сочность словесныхъ оборотовъ, свойственная напр. Гоголю, у него не замѣчается. Смысль и музыка — вотъ что доминируетъ въ творествѣ Пушкина. Вотъ почему Пушкинъ не избѣгалъ штампованныхъ словосочетаній и метафорическая «любовь — огонь» неоднократно повторяется у него:

Желаній огонь въ грудь ея вдохнувъ...

Душа горить и вѣгой и желаньемъ.

Младую грудь волнуетъ новый жаръ...

Въ ея груди зажги огонь желанья...

Ср. Въ груди горить огонь желанья,

Душа тобой уязвлена

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы языкъ Пушкина былъ безличенъ. Я говорю, понятно, о персональности языка не съ историч-

¹⁾ Впрочемъ и здѣсь колебаніе: иногда прилагательное бываетъ полнаго окончанія:

И падаетъ, объятый легкимъ сномъ...



ческой точки зрѣнія: въ исторіи языка Пушкину принадлежить опредѣленное мѣсто за художественную пропаганду живыхъ, практическихъ формъ, хотя, какъ мы видимъ, онъ не дѣлалъ опредѣленной установки на практическомъ языкѣ, а эклектически спаивалъ церковно-литературныя формы съ формами живой рѣчи,—но не въ томъ дѣло. Рѣчь идетъ о художественной персональности языка. Въ лексикѣ, благодаря эклектизму, такой персональности нѣтъ. Есть излюбленныя слова, излюбленныя выраженія—«томный, стыдливый» и т. д., или напр. употребленіе слова «возстать» въ смыслѣ «подняться»:

Возсталъ духовъ крылатый легіонъ...

Предъ нимъ возсталъ, смутился мрачный бѣсъ...

Но вдругъ возсталъ, исполненъ новымъ жаромъ...

Но все это не придаетъ особой персональности лексическому выбору, къ которому Пушкинъ какъ будто подходилъ съ эвфонической только стороны, лаская слухъ «сѣверными звуками» великорусскаго языка ¹⁾.

1) Что касается фонетики «Гавріиліады», то весьма недостаточнымъ свидѣтельствомъ о ней является рیمовка. На основаніи ріемъ Пушкина можно заключить слѣдующее: съ одной стороны въ Пушкинскомъ произношеніи были ясны слѣды живого говора, расходившагося съ этимологической орографіей. Такъ окончаніе прилагательныхъ им. п. ед. числа муж. рода «ый» произносилось имъ какъ редуцированное «ой». Отсюда ріемы типа «ужасный—страстной»... Пушкинъ, придерживавшійся въ эти годы франдузской традиціи «ріемы для глазъ», соответственно произношенію измѣнялъ орографію прилагательныхъ въ ріемахъ, что отразилось и на спискѣ, здѣсь издаваемомъ. Такъ въ стихахъ 46, 82, 163, 173 ріемующія прилагательныя въ им. п. мужск. рода пишутся съ окончаніемъ «ой». Съ другой стороны еще остались слѣды церковно-литературнаго произношенія «ё» какъ «е», напр. въ ріемѣ «чешую» «предъ нею» (ст. 170). Вообще у Пушкина въ «Гавріиліадѣ» нѣтъ ріемъ «только для глазъ». Наиболе далекими по звучанію являются



Это согласуется и съ сужденіемъ Пушкина о Батюшковѣ: «Слогъ такъ и трепещетъ, такъ и льется, гармонія его очаровательна». «Прекрасно, достойно блестящихъ и небрежныхъ шалостей французскаго остроумія»...

Но есть нѣкоторая оригинальность въ синтаксисѣ. Это—особое мѣсто, отводимое глаголу. Всѣ члены предложенія наизываются почти непосредственно на глаголь. Совершенно почти нѣтъ распространенной, дѣпной зависимости отъ существительныхъ въ формѣ напр. родительнаго опредѣлительнаго. Сами существительныя въ управленіи падежами сохраняютъ свойства отглагольности:

... услужливый угодникъ

Ц а р ю небесъ...,

а не Царя небесъ.

Обычно существительное опредѣляется однимъ только прилагательнымъ эпитетомъ и, слѣдовательно, не является центромъ организаціи сложнаго члена предложенія. Дальше одинокаго эпитета дѣло не идетъ. Эпитеты эти, правда, почти обязательны, но весьма однообразны. Изъ 151 эпитета 42, т. е. $\frac{1}{4}$ повторяются, и такія повторяющіеся эпитеты встрѣчаются 130 разъ на 109 одиночныхъ. При небольшомъ размѣрѣ поэмы эти цифры доказываютъ штампованность подобныхъ эпитетовъ: всѣ они довольно однообразнаго эмоціональнаго характера: милый, юный, нѣжный, небесный, томный, невинный и т. д. Всѣ они отличаются обиліемъ сонорныхъ согласныхъ—м, н, л. Обильно количество эпитетовъ съ суффиксомъ «ливый» (заботливый, услужливый, послушливый, докучливый,

риемы «наслажденье»—«въ затменьѣ» (ст. 246), «поле»—«на волѣ» (403). Придерживаясь транскрипціи Кошутича («Грамматика Русскаго Языка») въ первыхъ словахъ этихъ паръ е редуцируется въ «ъ», а во вторыхъ словахъ—ѣ редуцируется въ «ь».

Свобода, съ какой Пушкинъ риѣмуетъ «Богъ—могъ, «Богу-по-немногу», можетъ-быть свидѣтельствууетъ, что подъ вліяніемъ южно-великорусскихъ говоровъ и церковно—литературной традиціи онъ не различалъ г взрывнаго и фрикативнаго.



проказливый, шуточный, нетерпеливый, горделивый, несправедливый и т. д.), «тельный» (внимательный, рѣшительный, плѣнительный и т. д.) и разныхъ отглагольныхъ, главнымъ образомъ причастныхъ формъ страдательнаго залога (забытый, необозримый, благословенный, усталый и пр.). Какъ будто и на эпитетахъ преобладаетъ глагольная стихія.

Благодаря тому, что глаголъ является центромъ фразы, отъ котораго зависятъ всѣ члены предложенія, синтаксисъ Пушкина производитъ впечатлѣнїе компактности и экономїи словъ. Благодаря отсутствію различныхъ степеней подчиненія получается сжатость ясность и быстрота. Глаголы гонятъ за собой дѣйствія, создаютъ впечатлѣнїе безостановочнаго движенія фабулы.

Понятно, и здѣсь моменты эстетической {установки могутъ выясниться только при условїи сравнительнаго анализа синтаксиса разныхъ поэтовъ.

Какъ одинъ изъ частныхъ, но частыхъ приѣмовъ, отмѣчу въ «Гавриліадѣ» обиліе повторовъ, описанныхъ въ риторикѣ Ломоносова въ качествѣ «фигуръ реченій». Такова особенно «фигура усугубленія».

Едва, едва устами шевеля...
Женихъ грядетъ, грядетъ къ своей рабынѣ...
Гордись, гордись, Архангелъ Гавриль...
Гордись, гордись своей проклятой славой...
У ногъ его молися да молись...
Даруй ты мнѣ терпѣнье вновь и вновь
И громко пѣль: «Люблю, люблю Марію»...
Спѣши ловить, но близокъ, близокъ часъ...
(ср. «И близокъ, близокъ грозный часъ»—«Галичу» 1815 г.)

Аналогичны приѣмы усугубленія при раздѣленїи повторяемаго слова:

Іосифа печальная супруга
Въ своемъ углу печальныхъ думъ полна...
Открыли ей неясную мечту,
Проснулись неясныя желанья...



Обманывать вниманье жениха
И знатоков внимательные взоры...

Характерно во всѣхъ трехъ случаяхъ аналогичное положеніе усугубляемаго слова на третьей стопѣ смежныхъ строкъ, играющей особую роль въ стихотворной интонаціи.

Болѣе сложный приемъ усугубленія—замыканіе фразы открывающимъ ее словомъ:

Сто кратъ блаженъ твой плодъ благословенный:
Спасетъ онъ міръ и ниспровергнетъ адъ.
Но признаюсь душою откровенной,—
Отецъ его блаженнѣе сто кратъ.

Здѣсь усугубленіе подчеркнуто сравнительной степенью повтореннаго прилагательнаго.

И вотъ примѣры иныхъ родовъ тѣснаго повтора—Ломоносовскаго «повторенія» (анафоры):

Ужъ ломить бѣсъ, ужъ адъ въ восторгъ плещетъ
То силою, то хитростью науки...
Ни страстныхъ игръ, ни радостей живыхъ..

На фонѣ того же приема повтора воспринимаются и инныя конструкции, напр. двойственные опредѣленія мѣста:

Въ глуши полей, вдали Ерусалима...
Въ прохладѣ пальмъ, подъ говоромъ ручья...

Также воспринимаются и двойственные, иногда тавтологическіе эпитеты, напоминающіе приемы фольклора:

Щастливый знакъ, любви символъ призывный...
Повѣса злой, изгнанникъ безнадежной..
Небесный дворъ, ээира высоты...
Подземный царь, буянь широкоплечій...



Но точно одѣлнить эстетическую дѣйственность подобныхъ конструкцій мы сможемъ лишь тогда, когда намъ будетъ извѣстна окраска этого явленія въ живомъ языкѣ 20-хъ годовъ. Во всякомъ случаѣ описаніе подобныхъ приѣмовъ въ риторикахъ подтверждаетъ ихъ эстетическую установку. Но возможно, что стилистическая дѣйственность этихъ приѣмовъ къ эпохѣ Пушкина уже стерлась. Кромѣ того извѣстно, что риторики часто описывали и регистрировали также и общіе приемы выразительности языка, свойственные и практической рѣчи.

Что касается интонаціоннаго дробленія предложеній, то слѣдуетъ отмѣтить, что въ стихахъ интонація синтаксическая вытѣсняется метрической и вообще совпадаетъ съ ней. Въ «Гавріиліадѣ» нѣтъ enjambements, т. е. несовпаденія двухъ родовъ интонацій. Объемы предложеній и ихъ распространенныхъ членовъ опредѣляются объемомъ стиха или полустихія. Нормальное предложеніе вмѣщается въ одинъ или два стиха, причемъ подлежащее и сказуемое всегда стремятся занять собой первое полустихіе:

Но Гавріилъ, завидная судьбина,
Не преставаѣлъ являться ей тайкомъ..

Второстепенные члены предложенія, вводныя словосочетанія, наоборотъ, стремятся занять второе полустихіе. Это и понятно: подлежащее и сказуемое интонаціей слабѣе выдѣляется изъ предложенія, чѣмъ остальные члены предложенія, соподчиненные сказуемому и легко отдѣлимые другъ отъ друга. Интонація цезуры слабѣе модулируется, чѣмъ интонація конца стиха—риемы. Во всякомъ случаѣ изслѣдовать интонаціонную дробимость предложенія въ стихахъ слѣдуетъ съ большой опаской, т. к. метрическая инерція искажаетъ нормальную «прозаическую» интонацію.

Во всякомъ случаѣ стихи «Гавріиліады» отличается въ интонаціонномъ отношеніи значительной монотонностью—сравнительнымъ однообразіемъ фразеологическихъ формъ стиха. Можно отмѣтить даже большее: съ извѣстными стопами ассоціируется не только оборотъ рѣчи, но даже и лексика. Характерно, напр. попаданіе слова «любви» въ большинствѣ случаевъ на 2-ую стопу:



Нога любви, жемчужный рядъ зубовъ...
 Когда любви забыли мы страданье...
 Но безъ любви въ уныніи двѣла...
 Ничто любви не воскрешало въ нихъ... и т. д.

Ассоціація метрическихъ формъ съ лексикой—явленіе часто наблюдаемое у Пушкина. Въ данномъ случаѣ такое положеніе слова «любви» вызывается еще соображеніями эвфоніи: звукъ «и» доминируетъ у Пушкина на второй стопѣ (для которой характерны гласные крайнихъ тембровъ «и» и «у»).

Качество гласныхъ—какъ бы основной нервъ стиха «Гавриіады». Но вопросъ этотъ настолько тонокъ и сложенъ, что здѣсь я на немъ останавливаться не буду.

Но совершенно неизбежно—остановиться на ритмѣ поэмы, ибо ритмъ въ стихотворной рѣчи—первое и основное ея свойство.

Въ «Гавриіадѣ» мы имѣемъ типичный Пушкинскій 5-стопный ямбъ 20-хъ годовъ. Всюду строго соблюдена цезура послѣ 4-го слога. Самъ Пушкинъ указывалъ на французскій *décasyllabe* («пентаметръ») какъ на образецъ русскаго пятистопнаго ямба. Во Франціи за этимъ стихомъ, какъ уже отмѣчалось, установилась традиція комическаго.

Силлабическое строеніе Пушкинскаго пятистопнаго ямба довольно близко стоитъ къ силлабическому строю французскихъ стиховъ. Независимо отъ механическихъ причинъ языка, приводящихъ къ одинаковому эффеку, это совпаденіе придаетъ стихамъ общность ритмическаго движенія. Вотъ для сличенія—количество словораздѣловъ «Гавриіады», «*La Guerre des Dieux*», «*Orlando furioso*» и «*Jungfrau von Orleans*».

Количество словораздѣловъ на 100 стиховъ
 послѣ слога

	2	3	4	5	6	7	8	9
«Гавриіада»	30	27	100	—	19	50	41	20
» <i>La Guerre des Dieux</i> » .	44	14	100	1	29	50	45	6
« <i>Orlando furioso</i> » . . .	51	20	58	21	57	17	47	25
« <i>Jungfrau von Orleans</i> »	38	48	39	49	28	52	37	44



Въ то время, какъ въ итальянскомъ *endeca illabo* мы видимъ преобладаніе словораздѣловъ послѣ ударныхъ—четныхъ слоговъ, въ нѣмецкомъ *fünffüssiger Jambus*—послѣ неударныхъ,—у Рагну наблюдается та же градация словораздѣловъ, съ *maxima* на 2-мъ и 8-мъ слогахъ (кромѣ 4-го обязательнаго), только нѣсколько сильнѣе выраженная.

Стихи Voltaire'a и J.-B. Rousseau дальше отъ Пушкинской манеры. Съ другой стороны изъ русскихъ поэтовъ только Пушкинъ даетъ такую картину словораздѣловъ.

Нельзя сказать, что въ русской поэзіи совершенно отсутствуютъ такія традиціи. Пушкинъ своимъ пятистопнымъ ямбомъ довольно близокъ къ раннимъ произведеніямъ Жуковскаго и отчасти къ Княжнину, иначе говоря,—отъ традиціи Жуковскаго онъ нѣсколько отступаетъ назадъ къ классицизму XVIII вѣка. Но онъ безконечно далекъ отъ другихъ поэтовъ, пользовавшихся этимъ стихомъ—отъ Катенина, Крылова, Кюхельбекера, Дельвига, Вяземскаго. Ближе другихъ къ нему Баратынскій и отчасти Языковъ.

Надо сказать, что русскій пятистопный ямбъ очень разнообразится у разныхъ поэтовъ. Объективное изученіе сколько-нибудь значительнаго произведенія (а «Гавриіада» своими 552 стихами сюда безусловно относится) безошибочно можетъ указать на автора, настолько расходятся манеры различныхъ поэтовъ. Здѣсь не мѣсто подкрѣплять это цифрами. Ограничусь утвержденіемъ, что стихъ «Гавриіады» безусловно Пушкинскій. Отмѣчу лишь положеніе этой поэмы среди другихъ произведеній Пушкина.

Въ ямбѣ не каждый четный слогъ ударенъ. Но различныя стопы обладаютъ различною устойчивостью ударности. Легче всего теряетъ удареніе предпоследняя стопа, напр.:

Спасти хочу земную красоту.

Въ «Гавриіадѣ» на 4-ой стопѣ приходится удареній только въ 34-хъ стихахъ на 100.

Наоборотъ — необычайно устойчива 3-ья стопа (первая послѣ цезуры) 97 удареній на 100 стиховъ. Стихи безъ ударенія на 6 слогѣ весьма рѣдки, напр.:

Чего то онъ краснорѣчиво просить...



На первой стопѣ—84 ударенія на 100 стиховъ. Примѣръ стиха безъ ударенія :

Я научилъ послушливую руку...

На второй стопѣ—73 ударенія на 100 стиховъ. Примѣръ стиха безъ ударенія :

То съ уровнемъ, то съ вѣрною шилюю.

Эта градація устойчивости создаетъ характерную волну ударности. Ухо ждетъ ударенія въ разныхъ мѣстахъ съ разной степенью напряженности.

И вотъ сравнительныя цифры ударности разныхъ стопъ въ произведеніяхъ Пушкина (сравниваю «Гавріиліаду» съ хронологически сосѣдними группами стиховъ—1817—21 г. и 1823—25 г. Въ 1822 г. нѣтъ стиховъ 5 ст. ямба).

Количество удареній на 100 стиховъ:
на стопахъ.

	1	2	3	4
Стихи 1817—21 г.	87	72	99	33
«Гавріиліада»	84	73	97	34
Стихи 1823—25 г.	83	77	93	44

Цифры, характеризующія ударность стиха «Гавріиліады», занимаютъ среднія значенія между двумя смежными періодами, съ уклономъ въ сторону болѣе ранняго. Отмѣчу, что 5-стопный цезурный ямбъ у Пушкина разбивается на 4 періода: до 1816 г., до 1821 г., до 1825 г., и до 1830 г. Каждый періодъ характеризуется возрастаніемъ употребленія этого метра къ концу періода, послѣ чего слѣдуетъ рѣзкое паденіе, и медленное возрастаніе въ началѣ слѣдующаго періода. Такъ обрывается на трагедіяхъ этотъ стихъ въ 1830 году, послѣ чего нѣсколько лѣтъ Пушкинъ не обращается къ этому размѣру: въ 1825 году такимъ завершающимъ произведеніемъ является «Борисъ Годуновъ»; «Гавріиліада», лежащая между двумя періодами, замыкаетъ собою періодъ 1821 года.



Датировка «Гавриілады», полученная совершенно другимъ способомъ, вполне согласуется съ данными анализа стиховъ.

Изученіе словораздѣловъ приводитъ приблизительно къ тому же результату. Единственнымъ отклоненіемъ отъ манеры смежныхъ періодовъ наблюдается въ избѣганіи мужскихъ словораздѣловъ въ началѣ обоихъ полустишія, т. е. послѣ 2-го и 6-го слоговъ. Но стихи позднѣйшіе—1826—29 гг. обнаруживаютъ ту же тенденцію. Очевидно въ созданіи такого большого произведенія, какъ «Гавриілада», Пушкинъ нѣсколько опередилъ свою манеру.

Строфическое построеніе «Гавриілады» — рیمовка — произведена по правиламъ французскихъ поэмъ этого рода, но въ реальномъ осуществленіи манера рیمовки сближаетъ это произведеніе— что обнаруживается съ очевидностью при детальномъ изученіи— съ манерой «Руслана и Людмилы». Прихотливыя дѣянія рیمъ какъ будто бы не обозначаютъ собой строфически самостоятельныхъ, синтаксической интонаціей отдѣляемыхъ композиціонныхъ группъ стиховъ, и имѣютъ болѣе кинетическое значеніе сдѣянія между собой послѣдовательныхъ рѣчевыхъ моментовъ. Не рѣдко вполне законченный періодъ сдѣянія со слѣдующимъ общими рیمами, и предложенія съ замкнутымъ смысломъ и законченной интонаціей— не имѣютъ строфической дѣяльности. «Стансоваго» (въ широкомъ смыслѣ) построенія въ «Гавриіладѣ» почти нѣтъ. Въ связи съ этимъ наблюдается безразличіе къ ритмической формѣ сосѣдствующихъ стиховъ: различныя формы сосѣдства стиховъ вполне подчиняются законамъ случайности.

Закончу на этомъ обзорѣ ритма поэмы, ибо при настоящемъ положеніи науки о стихѣ всякое болѣе глубокое освѣщеніе вопроса требуетъ обширныхъ отступленій въ область чисто теоретическую. Кромѣ того, какъ изученіе ритма, такъ и изученіе языка вообще, требуетъ широкой подготовительной работы общаго характера, и слѣдуетъ высказать пожеланіе, чтобы такія работы, какъ Пушкинскій словарь, который можетъ послужить могучимъ средствомъ къ изученію языка Пушкина, были бы осуществлены въ ближайшее время.

ТЕКСТЪ

Подлинная рукопись «Гавриілады», повидимому находящаяся въ Остафьевскомъ архивѣ (въ подмосковномъ селѣ Михайловскомъ) до сихъ поръ не изучена, и по условіямъ настоящаго времени, недоступна изслѣдованію. Источниками текста являются списки и изданія, восходящіе ко второй половинѣ XIX вѣка. Изданія и списки изученные для настоящаго изданія, описаны въ примѣчаніяхъ къ тексту. Въ общемъ можно констатировать двѣ традиціи. Къ одной изъ нихъ восходитъ изданіе «Русской потаенной литературы» съ предисловіемъ Огарева. Изданіе это весьма мало авторитетно, какъ по характеру всего сборника (гдѣ среди Пушкинскихъ стиховъ введены и ему не принадлежащіе, напр. «Первая ночь»), такъ и по внутреннимъ особенностямъ текста. Изданіе очевидно сводное, съ нѣсколькихъ списковъ: объ этомъ свидѣлствуютъ приводимые варьянты. Предпочтеніе одного чтенія другому не носитъ слѣдовъ критическаго изученія текста: часто предпочитается въ основномъ текстѣ чтеніе явно порочное. Рядъ опечатокъ искажаетъ смыслъ стиховъ. Имѣется и явная порча размѣра, рیمъ и т. д. Съ Огаревского изд. было сдѣлано рядъ переизданій за границей и два изданія, выпущенные «Альціоной» (подъ ред. В. Брюсова) въ 1918 г. въ Россіи.

Къ той же традиціи относится списокъ, почти цѣликомъ напечатанный въ собр. соч. Пушкина подъ ред. Венгерова. Послѣ революціи по этому же списку (вѣроятно все по изданію Венгерова съ дополненіями по заграничнымъ изд.) вышло полное петербургское изд. «Гавриілады». Можно предположить, что близокъ къ



этой традиціи списокъ библиотеки бывш. собственной Его Величества, который легъ въ основаніе Академическаго изданія, но вѣроятно былъ частично проредактированъ по отрывку, помѣщенному въ «Остафьевскомъ Архивѣ» (19 стиховъ изъ письма Вяземскаго Тургеневу). Наконецъ къ той же группѣ списковъ относится и списокъ, съ котораго (съ тѣми же редакціонными исправленіями), печатавъ отрывки въ изд. «Литературнаго фонда» и «Просвѣщенія»—Морозовъ.

Списки эти сильно расходятся между собой и притомъ варьянты перебиваются. Вѣроятно всѣ эти изданія сводные, съ произвольнымъ предпочтеніемъ разныхъ чтеній.

Ко второй традиціи относились до сихъ поръ только отрывки, опубликованные въ 1861 г. Гербелемъ. Изданіе Гербеля носитъ на себѣ слѣды редакторскихъ исправленій (систематическая подстановка «Еврейки» вмѣсто «Маріи», округленіе первыхъ стиховъ приводимыхъ отрывковъ въ интересахъ связности смысла и пр.). Въ настоящее время число списковъ этой традиціи увеличилось еще тремя, принадлежащими «Пушкинскому Дому» и относящимися къ 50-ымъ годамъ. Два изъ нихъ принадлежатъ архиву Гаевского и почти совпадаютъ (кромѣ знаковъ препинанія)—только въ концѣ поэмы расходятся и представляютъ копіи какихъ то двухъ списковъ съ перебивающимися варьянтами. Очевидно они сводны: по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ восходитъ къ двумъ спискамъ. Нѣкоторыхъ стиховъ недостаетъ. На одномъ изъ списковъ эти стихи вписаны рукой Гаевского, который пользовался для этого спискомъ весьма неавторитетнымъ, такъ какъ вписанные стихи по большей части ошибочны.

Третій списокъ, слѣданный рукой Ефремова, переплетенъ въ принадлежавшій ему экземпляръ изд. соч. Пушкина подъ ред. Анненкова. То, что списокъ сброшюрованъ отдѣльно отъ влеченной въ тотъ же экземпляръ бумаги съ пополненіями Анненковскаго изданія, заставляетъ предполагать, что онъ болѣе ранняго происхожденія, нежели изданіе, но врядъ ли старше 50-ыхъ годовъ.

Списокъ этотъ болѣе исправный. Врядъ ли онъ сводный, т. к. на немъ карандашемъ нанесены рукой Ефремова многочисленныя варьянты другихъ списковъ, и слѣдовательно, работа сличенія



производилась тогда, когда списокъ уже былъ законченъ. Объективные достоинства этого списка заставляютъ избрать его за основу для выработки текста настоящаго изданія.

Правда, и въ Ефремовскомъ спискѣ много искаженій и исправленій по догадкѣ, но обычно свѣжаго происхожденія, и потому сравнительно легко устранимыхъ при сопоставленіи текстовъ различнаго происхожденія.

Большая распространенность Огаревской редакціи не свидѣтельствуетъ еще въ пользу таковой. Дѣло Митькова, измѣнившійся взглядъ Пушкина и его друзей на этотъ жанръ, даютъ основаніе предполагать, что наиболѣе авторитетные списки истреблялись и копии съ нихъ не снимались. Наоборотъ списки, вышедшіе за предѣлы Пушкинскаго кружка безпрепятственно размножились и порча текста только прогрессировала. Возможно, что всѣ списки Огаревской традиціи восходятъ къ одному неисправному списку, случайно получившему большое распространеніе (самъ Пушкинъ указывалъ на способы распространенія такихъ списковъ въ средѣ офицеровъ какого-нибудь «гусарскаго полку», изъ которыхъ каждый увозилъ подобный списокъ себѣ въ номѣстѣе и распространялъ его среди знакомыхъ). Распространеніе же этой традиціи въ спискахъ позднѣе Огаревского изд. просто объясняется психологической авторитетностью печатнаго текста.

Работа сличенія текстовъ произведена въ примѣчаніяхъ къ печатаемой здѣсь редакціи «Гавриліады». Здѣсь я лишь ограничусь нѣсколькими примѣрами, чтобы на реальномъ матеріалѣ показать, въ какомъ направленіи велась критическая работа надъ установкой избранной редакціи.

Стихи, приведенные въ письмѣ Вяземскаго, напечатаны въ редакціи этого письма, т. к. редакція эта восходитъ непосредственно къ оригиналу. Съ Ефремовскимъ текстомъ имѣются слѣдующія расхожденія:

Стихъ 13 «Бровь черная...» — у Вяземскаго «темная». Т. к. только въ письмѣ Вяземскаго и встрѣчается эпитетъ «темная» (изд. Академіи и Морозова, вѣроятно, восходятъ къ тексту Вяземскаго), всѣ же списки даютъ одинаково — «черная», то возможно, что здѣсь — описка Вяземскаго.



Стихъ 35. «На стебелькѣ не смѣлъ еще расцвѣсть» у Вяземскаго—«продвѣсть». Въ Ефремовскомъ спискѣ исправлено согласно чтенію Вяземскаго. Редакція «расцвѣсть» встрѣчается еще у Гербеля и Огарева. Однако совокупное свидѣтельство всѣхъ прочихъ списковъ, въ томъ числѣ и списковъ Гаевского, подтверждаетъ чтеніе Вяземскаго.

Стихъ 37. «...не поливалъ его» у Вяземскаго «не орошалъ его» Очевидная описка Ефремова, исправленная имъ. Всѣ списки согласны съ чтеніемъ Вяземскаго.

Внѣ предѣловъ цитаты Вяземскаго отмѣчу слѣдующія мѣста:

Стихъ 40 въ общепринятой редакціи:

Но съ праведныхъ небесъ во время оно...

У Ефремова и Гаевского этотъ стихъ читается:

Но, братія, съ небесъ во время оно...

Совпаденіе этихъ списковъ рѣшаетъ вопросъ въ пользу послѣдняго чтенія, которое согласуется и съ общимъ тономъ—имитацией проповѣди, ведущейся въ стилѣ интимной бесѣды. Также писалъ и Parny:

En vérité, frères, je vous le dis («La Guerre des Dieux»).

Стихъ 54 Тьмы ангеловъ волнуются, кипятъ.

В. Брюсовъ отводитъ это чтеніе на томъ основаніи, что Пушкину не свойственно столкновеніе двухъ «в». Однако въ стихотвореніи того же года «Къ Овидію», мы читаемъ:

Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны...

Онъ, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни ратной...

Утѣшсья не увялъ Овидіевъ вѣнецъ...

Ср. въ «Гавріиліадѣ»: «Рожденные въ волшебномъ фонарѣ»...

Совокупное свидѣтельство списковъ Ефремова и Гаевского и здѣсь рѣшаетъ вопросъ.



Стихъ 155. Обычное чтение «На небѣ самъ сидѣлъ въ уныньи сладкомъ».

Списки Ефремова и Гаевского даютъ болѣе исправно:

На небесахъ сидѣлъ въ уныньи сладкомъ.

Легко понять, что стихъ этотъ былъ кѣмъ-то невѣрно прочитанъ, слово «небесахъ» разложено на два съ невѣрнымъ осмысленіемъ, что и дало начало обычной редакціи.

Стихъ 226—27 обычно:

Чтобъ властвовать надъ нѣжными сердцами,
Улыбкою блаженство имъ дарить...

У Ефремова:

Чтобъ властвовать ихъ легкими сердцами,
Улыбкою блаженства ихъ дарить..

Въ первомъ стихѣ списокъ Ефремова подтверждается вторымъ спискомъ Гаевского. Второй стихъ — типичная для Пушкина въ 20-хъ годахъ конструкція

И всѣхъ дарить надеждою пустой (Элегія 1823 г.)
Твой богъ не полною отрадой
Своихъ поклонниковъ дарить (Платонизмъ 1819 г.)

Точно также безпредложная конструкція первого стиха, свойственная Пушкину, казалась необычной въ 40-ые и 50-ые годы, почему и могла легко исказиться переписчиками.

Стихъ 256. Обычно — «Свѣча, старухъ докучная мольба».

У Ефремова и Гаевского

Свѣчи, старухъ докучная мольба.

Наличіе въ поэтическомъ языкѣ этой эпохи формы «свѣчи» съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ засвидѣтельствовано стихомъ Лермонтова:

Свѣчи дрожащія пылали...



Стихъ 278 отсутствуетъ въ обычныхъ спискахъ, благодаря чему нарушается рифмовка.

У Ефремова и Гаевского —

Неистовымъ исполненный огнемъ...

Стихъ 545. обычно

И я тогда, Иосифъ утѣшитель...

У Гаевского оба списка даютъ "разныя чтенія, но сохраняютъ обращеніе къ Иосифу. Это расхожденіе заставляетъ предполагать раннюю порчу текста. За отсутствіемъ согласныхъ данныхъ предпочтено чтеніе Ефремова, какъ наиболѣе авторитетное:

Иосифа прекрасный утѣшитель...

Такимъ образомъ все заключеніе «Гаврііады» приобретаетъ характеръ выдержанной молитвы къ Гавріилу, къ которому авторъ обращается за помощью при различныхъ обстоятельствахъ жизни. Большая осмысленность такого выдержаннаго къ одному лицу обращенія придаетъ и значительную «внутреннюю» вѣроятность редакціи Ефремова.

Прочія, менѣе существенныя, разночтенія оговорены въ примѣчаніяхъ къ тексту.

Въ общемъ и цѣломъ обѣ традиціи настолько совпадаютъ, что должно быть отброшено раздѣляемое многими мнѣніе объ интерполяціи въ Пушкинскій текстъ чужеродныхъ прибавленій.

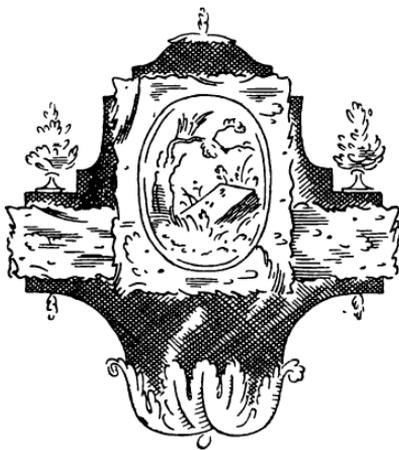
Настоящее изданіе не претендуетъ на установленіе окончательнаго *pe varietur* текста. Цѣль его — дать текстъ наиболѣе вѣроятный, наиболѣе согласующійся находящійся въ нашемъ распоряженіи матерьялъ. Не теряя надежды увидѣть когда-либо подлинную пушкинскую рукопись «Гаврііады», я считаю полезнымъ издать поэму хотя бы въ такомъ видѣ, въ какомъ ея текстъ поддается реставраціи на основаніи извѣстныхъ копій. Нѣтъ абсолютно точныхъ текстовъ. Въ рукописяхъ Пушкина возможны не-



замѣченныя описки, въ первоначальныхъ изданіяхъ — часты опечатки, подѣ часъ ускользящія отъ вниманія. Поэтому вообще нельзя говорить о непогрѣшимомъ текстѣ, и приходится довольствоваться лишь наиболее вѣроятнымъ. Возможно, что мы никогда не узнаемъ, не происходятъ ли нѣкоторыя расхожденія списковъ отъ вариантовъ авторскихъ списковъ «Гаврііады».

Установленіе «каноническаго» текста не есть какая-то сдѣльная работа, границы которой легко опредѣляются, — это есть дѣятельность непрерывная, дѣятельность безконечнаго приближенія къ предѣлу, вообще недостижимому.

Августъ 1921 г.



ИЗДАНИЯ ГАВРИЛИАДЫ

1) Русская Потаенная Литература XIX столѣтія. Отдѣлъ первый. Стихотворенія. Часть первая. Съ предисловіемъ Н. Огарева. Лондонъ 1861 г. Изд. Trübner and Co Patenoster Row. Вольная Русская Типографія. Стр. 40—49.

2) Перепечатка Огаревского текста отдѣльнымъ изданіемъ: Pouchkine—Gabriliada — Гавриліада сочиненіе А. С. Пушкина. Эротическая поѣма En vente chez tous les princіaux libraires 1889. Это же изданіе имѣется съ обложкой 1898 г.

3) Перепечатка Огаревского текста съ пропускомъ именъ и нѣкоторыхъ словъ. Gabriliada — А. С. Пушкинъ. Гавриліада (поѣма въ одной пѣснѣ). Собраніе лучшихъ русскихъ произведеній. Часть 92. Берлинъ. 1904. Изд. Гуго Штейнида. Тип. Розенталя и К^о.

4) Gavriliada par Pouchkine. Тройное Благовѣщеніе (Гавриліада) и другія кощунственныя соч. Александра Сергѣевича Пушкина, невошедшія въ его собранія сочиненій изданныя въ Россіи. Sidoratsky—imprimeur, 50 r. Mozart Paris.

Типично макулатурное изданіе съ пропусками и произвольными измѣненіями Огаревского текста. Пропущены стихи 1—20, 340—365, 403—408, 451—465, 513—552. Стихи 529—540 напечатаны въ концѣ въ качествѣ отдѣльнаго стихотворенія подъ названіемъ «Молитва».



Отступленія отъ текста Огарева обычно въ редакціи Гербея (стихи 102, 107, 168, 176, 177, 179, 182, 190, 377, 378, 398). Кромѣ того слѣд. различія съ Огаревскимъ текстомъ :

- 41 Всевышній богъ склонялъ привѣтный взоръ
54 Тьмы ангеловъ волнуются, кишать
121 И ты, Господь, позналъ любви волненье.
123—124 Создателю наскучило людей моленье
156 Весь міръ забывъ, не правилъ онъ ничѣмъ
159 Іосифа фиктивная супруга
162 И страстно ждетъ плѣнительнаго сна
175 Кто-жъ говоритъ съ Маріей простодушной
194 Богъ былъ влюбленъ. «Послушай! берегись».
195 Богъ къ ней пылалъ—«Молчи!»—Любовью страстной,
235 По варьанту Огаревского изд.
243 То же
256 Свѣча, старухъ докучная мольба
266 Открыли ей пріятную мечту...
279 Онъ отыскалъ источникъ наслажденья
287 По варьанту Огаревского изд.
293 Любовниковъ лишилъ навѣки рая
298 Но имъ открылъ я тайну любострастья
304 Не думаю! и знаю только я
321 И новое явленіе предъ ней
379 Безчестный врагъ небесной красоты,
385 По варьанту Огаревского изд.
596 И ринулись въ объятія другъ другу
422 По варьанту Огаревского изд.
423 «Проклятый» палъ, пощады запросивъ
466 Вотъ Гавріилъ съ извѣстіемъ пріятнымъ
488 Сама своей дивуясь красотѣ
495 Надъ ней вблизи порхаетъ и кружить
497 Онъ вдругъ летитъ въ колѣни милой дѣвы
498 У холмика садится и дрожить
499 Клюетъ кой-что, копышется, вертится
505 Заплакала, а голубь торжествуетъ



- 518 Не преставаѣ являться къ ней тайкомъ
520 Хоть предъ женой попржнему безгрѣшенъ
530 Младыхъ юницъ безумный обожатель
534 Перемѣнюсь: невѣсту видѣлъ я.

Такимъ образомъ изд. даетъ 30 разночтеній,—впрочемъ лишенныхъ какого бы то ни было значенія.

5) По сообщенію Иль—ко въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (т. 99 стр. 1134) въ 70-ыхъ годахъ въ помѣщичьей библиотекѣ Барышникова (Орловской губ.), находилось Лейпцигское изд. нецензурныхъ стиховъ Пушкина, гдѣ помѣщенъ полный текстъ «Гаврилады» (Благовѣщенія). Возможно, что рѣчь идетъ о перепечаткѣ Гербелевскаго сборника: «стихи не вошедшія въ послѣднее собраніе сочиненій», вышедшей въ Лейпцигѣ.

6) «Гаврилада». Полный текстъ. Вступительная статья и критическія примѣчанія Валерія Брюсова, «Альціона» (1918 г. Москва). Два изданія. Текстъ по изд. «Русская Потаенная Литература». Во второмъ изд. опущены стихи 423, 440, 514, 515, 516 и 521 и пропущены нѣкоторыя слова въ стихахъ 147, 361 и 530.

Рецензія: «Почтово - Телеграфный Журналъ» май — августъ 1918 г. стр. 250—253. Кіевскій журналъ «Родное Слово» № 2 статья М. П. Алексѣева. «Одесскій листокъ» 23 марта 1919 года № 77 статья проф. И. А. Линниченко. Кромѣ того въ одной изъ Московскихъ газетъ того времени появилась обширная рецензія В. Ходасевича.

7) «Вечерние Известия» Москва 1918 г. № 70 и 71.

Перепечатка текста изд. «Альціоны» съ пропускомъ нѣкоторыхъ стиховъ. Текстъ—по реформированной орѳографіи.

8) «Гаврилада» Полный текстъ поэмы съ приложеніемъ статьи «Авторъ Гаврилады». Петроградъ Лештуковская паровая скоропечатня «Свобода» 29 стр. (1918 г.). Краткое введеніе (стр. 5—13) съ обзоромъ документовъ, свидѣтельствующихъ о «Гавриладѣ». Въ наименованіи документовъ авторъ указываетъ только на тѣ, которые упомянуты въ Академическомъ изд., но провѣряетъ ихъ по первоначально опубликованнымъ текстамъ, чего, напр., не дѣлаетъ В. Брюсовъ, дитирующій ихъ съ опечатками, допущенными въ



Акад. изд. и съ невѣрными ссылками на изд. (то же вслѣдъ за опечатками Акад. изд.). Редакція текста совпадаетъ съ изд. Венгерова, дополненія—съ изд. Огарева.

9) Въ статьѣ М. П. Алексѣева («Родное Слово», № 2, стр. 3) указапо, со словъ А. К. Елачича, что существуетъ полное Константинопольское изданіе поэмы.

10) Въ той же статьѣ сказано: «Вслѣдъ за изданіемъ В. Брюсова появилось множество другихъ изданій, не только копирующихъ но и искажающихъ его текстъ. Одно изъ такихъ изданій появилось и въ Кіевѣ: «Гавриліада», полный текстъ поэмы, Библиотека «Куранты» № 1, Кіевъ 1918».

Неполныя изданія

11) А. С. Пушкинъ. Стихотворенія, не вошедшія въ послѣднее собраніе его сочиненій. Берлинъ 1861 г. изд. Р. Вагнеръ. Тип. К. Шульце 16».

Редакція сборника принадлежитъ Гербелю. Изданіе много разъ перепечатывалось подъ заглавіемъ «Собраніе запрещенныхъ стихотвореній Пушкина». Лейпцигъ Эд. Каспровичъ. Съ этой перепечатки, выдержавшей 17 изданій, сдѣлана перепечатка въ Россіи въ 1918 г. съ большимъ количествомъ опечатокъ, подъ заголовкомъ: «Собраніе запрещенныхъ стихотвореній».

Два Берлинскіе изд., редактированные Гербелемъ имѣютъ предисловіе, подписанное «Русскій». Существуютъ оттиски части этого изд. (со стихами изъ «Гавриліады»), гдѣ имя Гербеля значится полностью. Оттискъ, находящійся въ архивѣ Гаевского, не имѣетъ указаній на мѣсто и время печатанья (относится къ 70-ымъ годамъ).

Приведены стихи: 1—12, 21—39, 101—120, 158—192, 340—356 372—431, 450—465, 522—552.

12) Сочиненія Пушкина изд. Брокгаузъ и Ефронъ подъ ред. Венгерова. Том II. При текстѣ объяснительная статья В. Брюсова, которая съ нѣкоторыми сокращеніями перепечатана въ изд. «Альціоны» (статья въ изд. «Альціоны» пополнена только упоминаніемъ рукописи, находящ. въ архивѣ кн. Вяземскаго). Въ изданіи пропу-



щены стихи 7, 151, 164, 293, 435—7, 440, 495—522. Кромѣ того въ 149 стихахъ пропущены нѣкоторыя слова (изъ цензурныхъ соображеній,—впрочемъ довольно непослѣдовательно проведенныхъ).

13) Сочиненія Пушкина изд. Академіи Наукъ, т. II. Текстъ редактированъ Якушкинымъ по списку библиотеки б. Собственной Его Величества, съ пропусками, установленными Комиссіей по изд. соч. Пушкина. Въ примѣчаніяхъ, составленныхъ Морозовымъ — невѣрное указаніе, что текстъ печатается по старинной рукописи, принадлежавшей Якушкину (работа Якушкина совершена до вступленія Морозова въ составъ Комиссіи и онъ не былъ освѣдомленъ объ источникѣ текста). Приведены стихи 1—6, 8—41, 48—62, 71—73, 86—92, 97—120, 160—190, 220—238, 302—320, 340—356, 398—408, 451—465, 523—552.

14) Сочиненія Пушкина изд. Просвѣщенія т. III. Редакторъ Морозовъ — не указываетъ на источникъ текста. Разночтенія съ другими изд. и тождество съ напечатаннымъ въ изд. Лит. Фонда подъ его же редакціей, даютъ основаніе полагать, что онъ пользовался какимъ-то спискомъ, не совпадающимъ ни съ однимъ изъ упомянутыхъ выше.

Приведены стихи: 1—6, 8, 13—35, 51—58, 101—120, 160—171, 340—356, 398—405, 451—465, 523—524, 526—534, 536—544, 549—552.

Отрывки изъ Гавріиліады, опубликованные въ Россіи:

1) 4 стиха: «Неправда ли, вы помните то поле...» опубликованы въ статьѣ Гаевского о Дельвигѣ «Современникъ» 1853 г. ч. XXXIX ст. III, стр. 7. Текстъ и пунктуация тождественны со спискомъ, указаннымъ ниже какъ «второй списокъ Гаевского».

2) 20 стиховъ «Поговоримъ о странностяхъ любви» опубликованы Гербелемъ «Время» 1861 г. № 7.

3) Въ «Библиографическихъ Запискахъ» 1861 г. № 19, стр. 584—585 опубликованы Ефремовымъ стихи 403—411, 340—356, 526—544, 549—552.

4) 8 стиховъ «И вдругъ предъ нимъ открылся небосклонъ». «Русскій Архивъ» 1881 г. вып. 6 стр. 471, опубликованы Бартене-



вымъ среди извлеченій изъ рукописей Пушкина, принадлежащихъ Рум. музею.

Всѣ отрывки, появлявшіеся въ русской періодической печати собраны Ефремовымъ въ редактировавшихся имъ изданіяхъ соч. Пушкина (Комарова, Исакова, Анскаго и Суворина) съ нѣкоторыми дополненіями.

5) 19 стиховъ приведены въ письмѣ Вяземскаго—Остафьевскій Архивъ, т. II, стр. 287 (13—18 и 27—39).

6) Варьянтъ къ стихамъ «Гавріиліады», переданный Алексѣевымъ Комовскому, опубликованъ Гротомъ «Пушкинъ и его лицейскіе товарищи и наставники» стр. 280. (I изд. стр. 306. 7). См. также «Русская Мысль» 1880 г. № 6 стр. 32 — 33, статья А. А. Журавлева (зятя Комовскаго).



РУКОПИСИ

1) Подлинная рукопись Пушкина, по всѣмъ вѣроятіямъ, находится въ Остафьевскомъ архивѣ. См. подробнѣе у Ефремова собр. соч. Пушкина изд. Суворина.

2) Списокъ Ефремова. Находится въ листахъ, переплетенныхъ вмѣстѣ съ VII томомъ Анненковскаго изд. соч. Пушкина. Листы «Гавриіады» сшиты особо, и очевидно списокъ былъ сдѣланъ до включенія этихъ листовъ въ переплетъ VII тома.

Рукопись эта послужила основаніемъ публикуемаго здѣсь текста, какъ наиболѣе исправная. Ея основной текстъ и варьянты, внесенные рукой Ефремова позже — карандашомъ, видны изъ примѣчаній къ тексту. Принадлежитъ Пушкинскому Дому.

3) Списокъ Гаевского — первый. На сией почтовой бумагѣ большого формата сдѣланъ четкимъ почеркомъ. Послѣднія $\frac{1}{2}$ страницы оторваны и нѣсколькихъ стиховъ не достаетъ (532—540 и 552). Въ рукописи имѣются пропуски и они заполнены рукой Гаевского по какому-то другому списку. Варьянты см. въ примѣчаніяхъ къ тексту. Принадлежитъ Пушкинскому Дому.

4) Списокъ Гаевского — второй. На обыкновенной почтовой бумагѣ малаго формата. Первые 400 стиховъ почти буквально совпадаютъ съ первымъ спискомъ, за исключеніемъ пунктуациі. Стихи, опубликованные Гаевскимъ въ 1853 г., совпадаютъ съ редакціей этого второго списка. Въ концѣ рукописи первая и вторая расходятся и варьянты ихъ восходятъ къ различнымъ традиціямъ. Пропуски (не исправленные) — тѣ же, что и въ первомъ спискѣ. Принадлежитъ Пушкинскому Дому.



5) Въ библіотекѣ бывш. Собственной Его Величества, среди собранія автографовъ князя А. Б. Лобанова - Ростовскаго, находился списокъ «Гавріілады». По распоряженію министра иностранныхъ дѣлъ П. Н. Милюкова въ мартѣ 1917 г. всѣ рукописи этой библіотеки переданы въ Государственный Архивъ, нынѣ эвакуированный въ Москву. О дальнѣйшей судьбѣ этого списка мнѣ не извѣстно. Списокъ этотъ положенъ Якушкинымъ въ основу Академическаго изд. (соч. Пушкина т. II). См. «Новое Время» 1903 г. №№ 9874, 9877, 9878, письма въ редакцію В. Алексѣева, В. Щеглова и поправка редакціи).

6) В. Брюсовъ сообщилъ, что онъ имѣлъ въ рукахъ списокъ изъ собранія А. О. Такъ какъ эти инициалы совпадаютъ съ инициалами бывшаго владѣльца, а нынѣ хранителя заграничнаго собранія рукописей Пушкина, переданныхъ Пушкинскому Дому, — А. Θ. Онѣгина, — то слѣдуетъ полагать, что списокъ этотъ будетъ приобщенъ къ собранію и по установленію правильныхъ сношеній съ заграницей, поступитъ въ Пушкинскій Домъ. Впрочемъ, приводимые В. Брюсовымъ варианты свидѣлствуютъ объ испорченности текста этого списка.

7) Кромѣ перечисленныхъ списковъ я еще обращался къ копіи списка, принадлежавшаго гр. Завадовскому и относившагося къ 1865 г. Редакція этого списка совпадаетъ съ редакціей Огарева, за исключеніемъ стиховъ, опубликованныхъ Гербелемъ, въ кот. списокъ слѣдуетъ за Гербелевской редакціей. Разночтенія, не восходящія ни къ тому, ни къ другому изданію, малочисленны, и объясняются главнымъ образомъ описками: въ ст. 43 вмѣсто «задоръ» — «ззоръ», въ 54 исправлена опечатка Огарова въ «Тьмы ангеловъ», въ 84-мъ пропущено первое «онъ», въ 121 вмѣсто «позналъ» — «призналъ» 135 вмѣсто «немного» — «не мало», въ 195 съ порчей стиха вмѣсто «страстной» — «сладострастной», въ 312 пропущено «зачѣмъ», въ 331 вмѣсто «мудрено» — «мудро», стиха 337 нѣтъ, въ 338 пропущено «на грудь» (любопытно нѣкоторое сходство этого отклоненія отъ текста Огарева со списками Ефремова и Гаевского) въ 359 начало — «Ахъ и для тебя...», въ 423 вмѣсто «бѣсъ» (у Герб. и Гаевск. — «тотъ») — «онъ», въ 442 вмѣсто «онъ» — «самъ», въ 451 — «не слушайте», въ 504 вмѣсто «молиться» «метаться», въ 515 «какъ видится».



Привожу эти варианты какъ матеріалъ для изученія вопроса о распространеніи стиховъ «Гавріиліады». Характерно для списка совпаденіе приемовъ редакціи текста съ изд. Сидорадкаго: исправленія текста Огарева по редакціи Гербеля.



БИБЛЮГРАФІЯ

I. Документы.

- 1) Программа «Гавриілады». Рукопись Румянцевскаго Музея № 2365, листъ 28. Снимокъ въ Академич. изд. Соч. Пушкина т. III, стр. 250. Чтеніе, приведенное въ Акад. изд., неправильно. Точнѣе см., напр., издание «Альціоны».
- 2) Наброски «посвященій». Рук. Рум. Муз. № 2365, листы 23 и 39. Неисправная транскрипція въ «Русской Старинѣ» 1884 г. т. 42, стр. 97. Сочиненія Пушкина подъ ред. Анненкова т. VII, стр. 85 (приписки къ «Кавказскому Пѣвнику»). Акад. изд. т. III, стр. 71 и 251.
- 3) Письмо Тургеневу 7 мая 1821 г. «А. С. Пушкинъ» изд. «Русскаго Библіофила» 1911 г., стр. 16.
- 4) Письмо Вяземскому 1 сентября 1822 г. «Пушкинъ и его современники» вып. XV, стр. 3.
- 5) Письмо Вяземскаго Тургеневу 10 декабря 1822 г. «Остафьевскій Архивъ» т. II, стр. 287.
- 6) Письмо И. П. Бибикова 8 марта 1826 г. «Былое», январь 1918 г., стр. 12. Б. Л. Модзалевскій. «Пушкинъ въ донесеніяхъ агентовъ тайнаго надзора».
- 7) Показанія Пушкина по дѣлу Митькова — «Старина и Новизна», кн. V и кн. XV, со снимками съ подлинника. Въ текстѣ — не совсѣмъ точная транскрипція.
- 8) Письмо Пушкина Вяземскому 1 сентября 1828 г., см. «Переписку Пушкина». Тамъ же отвѣтъ Вяземскаго.



- 9) Разные документы по дѣлу Митькова — «Старина и Новизна», кн. V, XIII, XIV, XV. «Пушкинъ и его современники», вып. XVII-XVIII. «Дѣло III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Капцелярiи» (полностью напечатано дѣло I экспедицiи № 313 «о дурномъ поведенiи Митькова и т. д.»). Черновикъ показанiй Пушкина рук. Рум. Музея № 2371 листъ 21 (на карандашномъ черновикѣ, неразборчивомъ — набросокъ стихотв. «Анчаръ») и 212 (см. «Русская Старина» 1884 г., кн. 7, стр. 43).‡
- 10) Забѣтки Пушкина о дѣлѣ Митькова — «Пушкинъ и его современники», кн. IV, стр. 10, № 36 а и в. Смыслъ забѣтокъ разъясненъ Н. Лернеромъ («Книга и Революция» 1921 г., № 8 — 9 стр. 118.
- 11) Забѣтка Вяземскаго на экз. стихотв. Пушкина изд. Гербея «Старина и Новизна», кн. VIII, стр. 9.
- 12) Въ Кишиневской тетради (№ 2365 листъ 68) сохранился рисунокъ карандашомъ, изображающiй Бога-Отца на тронѣ въ облакахъ, въ католической тиарѣ. Около рисунка еле замѣтны слѣды какого-то текста. На эту страницу указывалъ въ своемъ «описанiи» Якушкинъ, какъ на имѣющую отношенiе къ «Гавриилѣдѣ». Возможно, что въ 80-хъ годахъ надпись подавалась прочтенiю. Возможно также, что стихи изъ «Гавриилѣды», опубликованные Бартечевымъ въ 1881 г. среди выдержекъ изъ рукописей Рум. муз., основаны на текстѣ, находившемся на этой страницѣ. Рядомъ съ этимъ листомъ нѣсколько листовъ вырвано изъ тетради. Подъ рисункомъ чернилами дата 12 Апр. На воспроизведенiи этой страницы въ собр. соч. Пушкина подъ ред. Венгерова, т. II, стр. 176, рисунокъ, относящiйся къ «Гавриилѣдѣ», не вышелъ.

II. Воспоминанiя:

- 1) «Русскiй Архивъ» 1886 г., ч. II, стр. 327. Разказы кн. Голицына изъ записокъ Ю. Н. Бартечева.
- 2) «Дневникъ Никитенки», т. II, «1865 г., 16 iюня» стр. 240. Разказъ Норова.



- 3) Бартенева «Пушкинъ въ Южной Россіи» «Р. Арх.» 1866 г. стр. 1179. См. отдѣльное изд. стр. 125.
- 4) Записки Смирновой, стр. 139. См. «Р. Арх.» 1899 г., ч. II, стр. 148 — 150.

III. Статьи, замѣтки, упоминанія :

- 1) Анненковъ «Пушкинъ въ Александровскую эпоху» стр. 146, 178 — 9.
- 2) «Р. Арх.» 1903 г., ч. II, стр. 473 — 8. Статья В. Я. Брюсова. См. также собраніе соч. Пушкина подъ ред. Венгерова т. II «Гавриліада» изд. Альдіона (1918 г.). См. письмо въ редакцію В. Брюсова. «Новое Время» 12 сентября 1903 г. № 9873.
- 3) «Русск. Вѣстн.» 1903 г., кн. VII, стр. 268. Отвѣтъ Барсукова на статью Брюсова.
- 4) «Историческій Вѣстникъ» т. 98, стр. 1190. По поводу статей Барсукова.
- 5) «Истор. Вѣстн.» т. 99, стр. 1134. Замѣтка Иль-ко со ссылкой на дневникъ Никитенки.
- 6) «Старина и Новизна» кн. VI, стр. 2. Замѣтка Барсукова о безрезультатныхъ поискахъ письма Пушкина Николаю I по дѣлу Митькова.
- 7) «Литературный Вѣстникъ» 1902 г., кн. II. Статья В. Калаша (Пушкинъ или кн. Д. П. Горчаковъ).
- 8) «Русская Мысль» 1903 г., кн. XI. Его же.
- 9) «Новое Время» № 10268. Замѣтка по поводу ст. Барсукова въ «Стар. и Новизн.» кн. VIII.
- 10) «Бессарабскія губ. вѣдомости» 1902 г., 19 апрѣля, ст. Лернера.
- 11) «Бессар. губ. вѣд.» 1902 г., 15 октября (его же).
- 12) «Вѣдомости Одесскаго Градоначальства» 1902 г., 6 сентября (его же).
- 13) «Пушк. и его совр.» кн. XVII — XVIII, стр. 58. Замѣчаніе Цявловскаго о «Еленѣ».
- 14) «Русск. Мысль» 1880 г., № 6, стр. 32 — 33. Статья Журавлева (стихи сообщ. Комовскимъ).



- 15) Я. Гротъ «Пушкинъ и его Лицейскіе товарищи и наставники», стр. 280 (то же).
- 16) К. Я. Гротъ «Пушкинскій Лицей» стр. 7 — 8 (то же).
- 17) Гастфрейндтъ «Товарищи Пушкина» т. I стр. 547 (то же).
- 18) «Труды и дни Пушкина» Н. Лернера, второе изд. стр. 83.
- 19) Сочиненія Пушкина подъ ред. Ефремова изд. Суворина т. II, VII и VIII.
- 20) Сочиненія Пушкина изд. Академіи Наукъ т. III.
- 21) М. П. Алексѣевъ. «Гавриліада» Пушкина. «Родная Земля», № 2, Критико-библіографическій отдѣлъ, стр. 1 — 11.
Статья написана по поводу изданія «Альціоны» и представляетъ собой интересный историко-литературный анализъ поэмы. Со статьей этой я ознакомился благодаря любезности П. Е. Щеголева уже послѣ того, какъ настоящая работа находилась въ версткѣ.

Здѣсь упомянуты лишь замѣтки и статьи, касающіяся исторіи текста и списковъ «Гавриліады».

Цѣлей библіографической полноты настоящимъ спискомъ не преслѣдуется.



УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ

- Алексѣвъ В. А. 104
 Алексѣвъ М. П. 99, 109
 Алексѣвъ Н. С. 26, 29, 43, 47, 79, 102
 Анненковъ П. В. 39, 44 — 46, 48, 51, 77, 91, 103, 106, 108
 Ариосто (Ariosto) 63, 86
 Ассуси (d'Assouci) 60
 Байронъ (Byron) 66, 69
 Баратынскій Е. А. 87
 Барковъ И. С. 61, 62
 Барсуковъ Н. Н. 54, 108
 Бартенева П. И. 24, 45, 46, 54, 55, 70, 101, 107, 108
 Бартенева Ю. Н. 53, 107
 Барышниковъ 98
 Батюшковъ К. Н. 82
 Бенкендорфъ гр. А. Х. 50
 Бестужевъ А. А. 50, 60, 75
 Бетлеръ (Butler), авторъ «Hudibras» 63
 Бибииковъ И. П. 50, 106
 Брельо гр. С. Ф. 24, 48
 Брюсовъ В. Я. 6, 26, 46, 54, 90, 93, 99, 104, 108
 Буало (Boileau) 61, 75
 Будде Е. О. 29, 78
 Вега 57
 Вельтмапъ А. О. 46
 Венгерова С. А. 23-38, 90, 107, 108
 Вержье (Vergier) 61
 Вольтеръ (Voltaire) 40, 44, 56, 61, 63, 64, 69, 70, 72, 75, 78, 87
 Вяземскій кн. П. А. 23, 24, 49, 52, 56, 87; 91, 93, 106, 107
 Гавриилъ митроп. (Банулеско) 39
 Гаевскій В. П. 23 — 38, 91, 93—95, 101, 103, 104
 Гастфрейндъ Н. А. 48, 109
 Гербель Н. В. 23 — 38, 46, 49, 91, 93, 98, 100, 104, 105, 107
 Гёте (Goethe) 63
 Гоголь Н. В. 80
 Голицынъ А. Н. 53, 107
 Горчаковъ В. П. 47, 54
 Горчаковъ кн. Д. П. 51, 52, 54, 108
 Грекуръ (Grécourt) 61, 62
 Грессе (Gresset) 61
 Гротъ К. Я. 48, 109
 Гротъ Я. К. 5, 24, 48, 102, 103
 Даниилъ, авторъ «Хожденія» 57
 Делиль (Delille) 59, 73,
 Дельвигъ бар. А. А. 39, 87, 101
 Державинъ Г. Р. 79
 Дора (Dorat) 62
 Дюлоранъ (Dulaurens) 56
 Елачичъ А. К. 100
 Ефремовъ П. А. 23—39, 43, 46, 48, 49, 54, 70, 91—95, 101, 103, 104, 109,
 Жуковскій В. А. 87
 Журавлевъ А. А. 48, 102, 108
 Завадовскій гр. В. П. 26, 104
 Иль-ко 98, 108
 Инзовъ И. Н. 34, 84



- Каллашъ В. В. 54, 108
Камонъ (Camon) 59
Катенинъ П. А. 87
Княжнинъ Я. Б. 87
Комовскій С. Д. 34, 47, 48, 102
Котляревскій И. П. 75
Кошутичъ Рад. 82
Крыловъ И. А. 87
Кюхельбекеръ В. К. 87
Лафонтенъ (La Fontaine) 61
Лермонтовъ М. Ю. 94
Лернеръ Н. О. 6, 44, 48, 53, 54, 107, 108, 109
Линиченко проф. И. А. 160 ⁵⁸
Лобановъ-Ростовскій кн. А. Б. 104
Ломоносовъ М. В. 80, 84
Майковъ В. И. 60, 61, 75
Майковъ Л. Н. 46
Маро (Marot) 61
Милюковъ П. Н. 104
Мильтонъ (Milton) 59, 69, 73
Митьковъ В. Ф. 50, 53, 92, 106-108
Модзалевскій Б. Л. 52, 106
Морозовъ П. О. 6, 23-38, 46, 91, 92, 101
Нащокинъ П. В. 54
Никитенко А. В. 107
Николай I 50, 51, 52, 108
Николай II 53
Никольскій Б. В. 52
Норовъ А. С. 53, 107
Огаревъ Н. П. 23-38, 90, 92, 97, 98, 104, 105
Онѣгинъ А. Ф. 36, 104
Орловъ М. О. 46, 49
Осиповъ Н. П. 60
Палицынъ Ал. 62
Парни (Parny) 5, 40, 44, 55, 56, 59, 62, 63, 69-71, 73, 75, 78, 86, 87
Пелисонъ (Pelisson) 60
Полторацкій С. Д. 54
Пушкинъ Вл. 61
Раевская Ел. Н. 46
Раевскій Н. Н. 46
Руссо (J. V. Rousseau) 61, 87
Рылѣевъ К. Ф. 63
Саразень (Sarrazin) 62
Селивановскій Н. С. 53
Сидорацкій 97, 105
Скарронъ (Scarron) 60, 61, 63, 75
Смирнова А. О. 54, 108
Толстой гр. П. А. 53
Туманскій В. И. 54
Тургеневъ А. И. 45, 49, 91, 106
фонъ Фокъ М. Я. 53
Фонвизинъ Л. И. 79
Франсуа (François de Neutchâteau) 64
Фурнель (V. Fournel) 75
Хованская 40
Ходасевичъ В. 99
Цявловскій М. А. 46, 108
Чаадаевъ П. Я. 40, 52
Шенье (M. J. Chénier) 5
Шиллеръ (Schiller) 86
Щегловъ В. В. 104
Щеголевъ П. Е. 109
Эйхфельдтъ М. Е. 47
Языковъ Н. М. 87
Якушкинъ В. Е. 23-38, 51, 101, 104, 107
Якушкинъ П. И. 63

